

№ 45. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 10 Ноября 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Объ изданіи въ 1880 году журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ будетъ издаваться по той же програмѣ. Въ распоряженіи редакціи для помѣщенія въ 1880 г. имѣются слѣдующія произведенія: Повѣсть **П. Д. Боборыкина;** «Чужіе грѣхи», романъ **А. Михайлова** (въ отдѣльномъ приложеніи) романъ **Н. И. Северина;** стихотворный разсказъ въ трехъ частяхъ «Въ морѣ житейскомъ», **Б. Левина** (съ иллюстраціями); Стефенъ Митчель, американскій романъ (съ иллюстраціями); романъ **Гонкура;** «Изъ міра русскаго искусства», рядъ статей **Диллетанта;** Пляски и танцы на Руси, историко-біологическій очеркъ **Вл. Михневича;** Іезуиты и инквизиція **П. Скромнаго;** «Народы европейской Россіи» **С. С. Шашкова;** рядъ статей **Н. В. Шелгунова** и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ въ 1880 году будутъ помѣщены гравюры съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: гг. **Богданова, Боголюбова, Боткина, Брюлова, Верещагина, Зичи, Крамского, Маковскаго, Мещерскаго, Мясоѣдова, Орловскаго, Семирадскаго, Шварца, Харламова, Якобія** и др. Кромѣ того будетъ помѣщенъ «Альбомъ русской охоты», состоящій изъ ряда картинъ знатока этого дѣла, извѣстнаго художника, г. **Петра Соколова.**

ПРЕМІИ: 1 и 2) **Двѣ олеографическія картины**—«Малороссіянки», **К. Е. Маковскаго** и «На перевязочный пунктъ», профессора **Ковалевскаго;**—картины, оригиналы которыхъ составляютъ собственность Редакціи и потому не могутъ появиться ни въ какихъ копіяхъ въ продажѣ. 3) **Большая гравюра** на веленевой бумагѣ съ картины геніальнаго русскаго художника **А. Иванова,** «Явленіе Христа народу», хорошихъ копій съ которой до сихъ поръ еще не появлялось въ Россіи. Затѣмъ 4) **Литературная,** съ иллюстраціями. Эти преміи выдадутся гг. подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату за изданіе.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

	На годъ.	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки........................	**6** р.	**3** р. **50** к.
» » съ доставкой и пересылкой........................	**7** р.	**4** р.

Подписка на 1880 годъ открыта и принимается въ Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ (близъ Невскаго проспекта), д. № 6** и въ мѣстныхъ Конторахъ: **въ Москвѣ,** въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ,** въ книжномъ магазинѣ бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; **въ Одессѣ,** въ Южномъ агенствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской улицѣ д. Вагнера.

Н. ШУЛЬГИНЪ.

Жена Варяга.

Стих. **Д. Ушакова.**

Всю ночь не смыкала глазъ зоркихъ она,
На дальнее море глядѣла;
Неслась, объ волну ударяясь, волна
И пѣна на гребняхъ бѣлѣла.

Не свѣтится мѣсяцъ; лишь молнія вдругъ
Свѣтъ кинетъ свой яркій на море—
И видны блестящіе гребни вокругъ
Въ безбрежномъ, безбрежномъ просторѣ.

И пѣсню запѣла варяга жена:
Въ ней слышны и радость, и горе,
Въ ней слышно, какъ бьется о волны волна,
Какъ пѣнится, искрится море.

Слышна въ ней тоска по родной сторонѣ,
И тяжкія слышны улики,
И раненыхъ стоны въ кровавой борьбѣ,
Проклятья и грозные крики.

И пѣла она о далекихъ моряхъ,
О славѣ воронінхъ стяговъ,
О сѣверныхъ, дальнихъ, родныхъ ей краяхъ,
О прошлыхъ побѣдахъ варяговъ.

О конунгахъ пѣла, забытыхъ давно,
О славныхъ пѣнителяхъ моря...
И звуки той пѣсни лились далеко,
Съ грозой бушевавшею споря.

Баской.

Этнографическій романъ **Л. Симонова.**

(*Продолженіе.*)

Глава II.

черашней, имъ-же протоптанной тропинкой бредетъ Сидоръ Ивановичъ по лѣсу. За спиной его ружье, въ рукахъ рогатина, за поясомъ ножъ. Бредетъ по колѣно въ снѣгу, неловко задѣтый стволъ или вѣтвь обдаетъ снѣгомъ сверху. Вотъ стволы деревьевъ поднялись такъ часто, что цѣлая группа непроходима, приходится дать крюку, обходить чащу. Тутъ наклоняется онъ подъ низко пависшія вѣтви, а далѣе... ели да сосны такъ густо сплелись, что нужно продираться межъ ихъ вѣтвями, а онѣ въ это время и рѣжутъ, и хлещатъ, и обсыпаютъ снѣгомъ. Не въ трудъ такой походъ Сидору Ивановичу, а въ охотку; дѣло привычное. Все ему тутъ знакомо, все любо, все своимъ кажется; ходитъ онъ по лѣсу чуть не каждый день и всякій разъ думаетъ, что такая ходьба съ обходами, скачками да поклонами лучше, теплѣе, чѣмъ по ровному гладкому пути. День въ лѣсу кажется пасмурнымъ сегодня, какъ и всегда, и чѣмъ дальше забирается Сидоръ въ густоту лѣсную, тѣмъ и день дѣлается темнѣе. Наступили чистыя сумерки и тутъ-же нѣсколько переднихъ стволовъ оказались словно окрашенными желтоватымъ цвѣтомъ, такой-же цвѣтъ мерещется и за ними; еще два-три шага и полѣсовщикъ очутился на полянѣ, сплошь залитой яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Милліонами искръ отливаетъ снѣжная поверхность; на одномъ изъ сугробовъ, у самаго ствола дерева, мелькнула крошечная, тонкая, бѣлая, какъ снѣгъ, съ чернымъ пушистымъ хвостикомъ фигурка горностая, мелькнула и исчезла за сугробомъ, оставя слѣды своихъ лапокъ, слѣды такой величины, какой-бы ихъ сдѣлалъ тонкій женскій палецъ, чуть дотрогиваясь до снѣга. Сидоръ Ивановичъ съ любовью заглянулъ на эти слѣды, ясно отпечатавшіе форму крошечной подошвы и пальцевъ, и проговорилъ шутливо: «Не спрятался-бы, кабы я на тебя шелъ, а то угощенье у меня есть, да не про твою честь». Въ противоположной сторонѣ въ это время качнулась вѣтка и чуть дрогнула вершина ели. «Не до васъ мнѣ!» отмахнулся Сидоръ Ивановъ въ ту сторону и продолжалъ шагать. Свѣтлое пятно прогалины приходило къ концу, полѣсовщикъ оглянулся. «Ишь вѣдь что выкачали! проговорилъ онъ угрюмо,—билетъ-то былъ на десять деревъ, а вырубили болѣе двухсотъ! Вотъ и поди, толкуй съ ними, что-де царское добро!».. А самъ-то

ты развѣ не положилъ въ карманъ при этомъ малую-толику? напомнила ему совѣсть.—«Грѣхи!» проворчалъ Сидоръ Ивановъ, кому-то укоризненно качнулъ головою и влѣзъ въ такую чащу, что только хрустъ вѣтвей пошелъ по лѣсу. А кругомъ не только сумерки, а ужъ цѣлая ночь. Кабы то былъ не онъ, не Сидоръ, а кто-нибудь другой, то ни за что-бы ему не выйдти изъ этой чащи, но полѣсовщикъ знаетъ свои владѣнія, смѣло идетъ избраннымъ имъ прямымъ направленіемъ, кратчайшимъ путемъ, къ вогуличьей горѣ. А солнце въ это время такъ и свѣтитъ, такъ и бьетъ въ вершину известковой горы, затонувшей въ снѣгу. Пройдя часа два чащей и перерѣзавъ рѣку, Сидоръ почти бѣгомъ взобрался на эту вершину и остановился перевести духъ. Глянулъ, а кругомъ необозримое пространство все той-же чащи, изъ которой только что вышелъ. «Вонъ въ той сторонѣ Каменка» подумалъ Сидоръ, «а гдѣ она?—утонула въ дремучемъ бору». Вонъ вправо, знаетъ Сидоръ, что недалеко пермятская деревня Коса, родина Дарьи, и ту лѣсъ всосалъ, ровно бы она къ нему въ вѣтви сверху упала и засѣла, укрылась совсѣмъ отъ глаза людского. А больше тутъ и нѣтъ ничего; туда вонъ, въ ту сторону, на сотни верстъ лѣса потянулись по Сибири-матушкѣ безъ перерыву, безъ жилья. Здѣсь лѣвѣе до самаго Ирбита только ниточкой одна Павдинская дорога рѣжетъ лѣсъ вѣковѣчный и по ниточкѣ той то тутъ, то тамъ деревеньки притаились. Вправо, думаетъ Сидоръ, тянутся эти темные могучіе лѣса безъ конца въ Россію-матушку, слились, сомкнулись съ лѣсами вологодскими да вятскими... И куда хочешь, на любую гору войди, все одно и тоже—лѣсъ да лѣсъ передъ глазами, темная дремучая чаща, ровно окаменѣлая споконъ-вѣка безъ перемѣны все таже, и въ жару, и въ стужу, темно-зеленая. Жутко, больно жутко тутъ человѣку, да за то приволье. Гдѣ же втолкуешь ты пермскому мужику, что на каждое дерево онъ долженъ билетъ брать, коли онъ и самъ, вотъ какъ я, взберется на гору, то тою же мыслью задается, что ни конца, ни края нѣтъ его богатству. Ничего не втолкуешь, коли хозяевами этого лѣса онъ только и ставитъ лѣшаго вогулича да себя, самимъ Богомъ тутъ поселеннаго, надо всѣмъ поставленнаго. Я же хранитель этой темной безконечной массы, я пришлецъ у него, пришлецъ ни къ чему, такъ зря живущій, только ему жить и его же добромъ владѣть мѣшающій. А оно такъ и выходитъ по его... ни къ чему... «А малая то толика?» шепчетъ опять совѣсть.—«Такъ вѣдь какъ-же иначе-то? Не я, такъ другой, третій! Все равно»... отвѣтствуетъ Сидоръ Ивановъ и смотритъ подъ гору на рѣку. Далеко видна она, бѣлой лентой извивающаяся. Зима щедрая сравняла ее съ берегами, засыпала снѣгомъ такъ, что и не разберешь рѣка то или поляна. Вонъ тѣнь какая-то мелькнула изъ опушки лѣсной на средину рѣки и понеслась вдоль нея, быстро исчезая. Сидоръ всматривается изъ подъ руки: человѣческая фигура; родъ короткаго савика изъ оленьей шкуры покрываетъ туловище и голову, изъ оленьей-же шкуры порты, у ногъ пластины длинныя, спереди кверху загнутыя, ровно-бы человѣкъ тотъ,—какъ видно Сидору сбоку,—на санныхъ полозьяхъ катится; изъ-за плеча дуло ружья виднѣется. «Это онъ! рѣшаетъ Сидоръ,—вогуличъ на лыжахъ! Ишь закатываетъ, любо-дорого смотрѣть, что ни шагъ то сажень, ровно пароходъ ухватываетъ. Назадъ бѣжитъ къ сѣверо-востоку въ лѣса сибирскія, видно, за оленемъ либо сахатымъ гнался, сюда забѣжалъ. Небось ухлопалъ его и гдѣ-нибудь къ дереву привалилъ, зарубки на стволу надѣлалъ: «не троньте, модъ, есть-де у этой туши хозяинъ». А то, пожалуй, и въ Косу либо въ Каменку леталъ, со шкурами набивался»... Бѣгущая фигура исчезла изъ виду и Сидоръ оглянулъ еще разъ пустынную мертвую окрестность, тонущую въ снѣгу. «Вѣдь вотъ хорошо-бы къ лыжамъ-то пріучиться, думаетъ онъ, на ровномъ мѣстѣ бѣги безъ оглядки цѣликомъ, безъ дороги, куда вздумаешь, а и въ лѣсу ладно, въ чащѣ снялъ, на плечи закинулъ, гдѣ порѣже снова на нихъ иди, нога не вязнетъ, не тонетъ въ снѣгу. Да нѣтъ, видно, они съ малолѣтства пріучаются, отерпливаются. А нашъ братъ день походитъ, да два отлеживается: бедра болятъ, всѣ суставчики ноютъ. Правду мужикъ здѣшній говоритъ: вогуличу на лыжахъ бѣжать, видно, Господомъ Богомъ показано, а намъ нѣтъ. Однако что же я съ устатку-то зазѣвался, такъ что носъ да щеки щипать начало». Онъ схватилъ комокъ снѣга и принялся оттирать имъ побѣлѣвшее лицо. «Ишь стужа какая сегодня, особливо на горѣ: морозъ такъ и цѣпѣнитъ и руки, и ноги, а вѣтеръ во всякую щель, въ каждую прорѣху забраться норовитъ и рѣжетъ, будто ножемъ. А солнце, обманчивое, ярко свѣтитъ, да пышетъ стужью», ворчитъ Сидоръ и въ нѣсколько прыжковъ очутился въ лощинѣ у подошвы горы со стороны противоположной рѣкѣ.

Петръ изъ Каменки, мальчишка лѣтъ восемнадцати, средняго роста, коренастый, съ широкимъ, плоскимъ лицомъ и ласково свѣтящимися сѣрыми глазами, встрѣтился съ Сидоромъ у самой лѣсной опушки. Все лицо его радостно осклабилось при видѣ полѣсовщика.

— А я думалъ, дяденька, ты ужъ ушелъ, запоздалъ я маленько, вишь ночью гоньба была, нашей избѣ чередъ выпадалъ, купца возилъ, такъ вернумшись-то, залѣзъ на печь погрѣться да и самъ не знаю, какъ уснулъ. Будитъ матка, анъ день бѣлехонекъ на дворѣ, всполошился я, думаю, экую оказію пропущу, не доводилось еще на медвѣдя хаживать, а пріучиться охота, потому силушки во мнѣ—не занимать стать, а боязни что-то не чую.

— Проспалъ я, парень, и самъ. Заболтался вчера съ прохожимъ-гостемъ: полтавскій крестьянинъ заходилъ, все равно, что землякъ. И душа-же, парень, человѣкъ. Самъ молодо-зелено, а ума палата и рѣчь ровно по маслу льется.

— И самъ-то ты рѣчистъ, не бай про другого. А мнѣ купчина-то рубль на чай отвалилъ, я батькѣ-то не показывалъ, хочу... Феклѣ платокъ алый купить.

Сидоръ искоса, съ ласкою, съ какою-то добродушною отцовскою улыбкою взглянулъ на парня.

— Что-жь, нѣшто знобитъ по ей сердце.

— Да что! парень грустно махнулъ рукой.—Я по ей сохну, а она и носъ воротитъ, объ сватахъ и слушать не хочетъ.

— Кто-жь у ней милъ-то, другъ сердечный? Хе, хе!.

— А никого. «Плевать, говоритъ, мнѣ на всѣхъ парней, знать никого не хочу! Сегодня вы за мной бѣгаете, а завтра въ кабалу норовите забрать, куражиться станете. Работай на васъ, какъ волъ, да за это всю жизнь побои неси; ну васъ къ лѣшему, провалитесь вы всѣ до единова. Проживу и безъ васъ!...»

— Хе, хе, хе! Ай, дѣвка чудная!

— Чудиха и есть...

— А отцу бы поучить, отдастъ и не спроситъ, любо аль нѣтъ.

— Не станетъ отецъ феклунькинъ принуждать ее! Чего ради? Она у него за мужика справляется, онъ радъ, чтобы подолѣ съ нимъ прожила.

— И то... проговорилъ Сидоръ въ раздумьи.—Дѣвка ростомъ съ добраго мужика вымахала, пашню пашетъ, съ тройкой справляется лучше любого парня, съ экимъ добромъ какому отцу охота разстаться.

— То-то!..

— Ну-ка, съ горя да для храбрости глотни! Сидоръ подставилъ къ губамъ парня горлышко бутылки, а потомъ самъ потянулъ изъ нея, крякнулъ и проговорилъ:

— Съ полверсты осталось! Какъ подойдешь, ты дубинкой-то этой, что въ рукахъ у тебя, въ берлогу ему и ткни, чтобы раздразнить его, понимаешь, а самъ ко мнѣ за спину да и цѣлься изъ моего ружья, у меня осѣчки не будетъ, потому хожу я за нимъ, ровно мать за дѣтищемъ, мѣть только хорошенько. Да смотри, раньше времени не суйся, бываетъ, какъ и всегда, одной рогатиной оборудую.

— Ладно!

Оба замолчали, оба шли съ сосредоточенными лицами и, казалось, будто всматривались во что-то, прислушивались къ чему-то, а кругомъ ничего, кромѣ мертваго лѣса, ни звука, кромѣ хрустенія снѣга подъ ихъ собственными шагами. Лѣсъ становился гуще и въ немъ, только въ немъ, были сумерки.

— Гляди, проговорилъ Петръ, ткнувъ рукою въ сторону.

— Гм!.. такъ и есть. Сахачьи рога торчатъ, туша засыпана снѣгомъ, на стволѣ зарубки... и двѣ полосы лыжъ къ сторонѣ рѣки... я и вогулича-то видѣлъ, какъ онъ въ обратную несся. Но что это?.. чу! Не вдалекѣ выстрѣлъ... Кто-то еще по близости...

— То, видно, на бѣлокъ кто-нибудь вышелъ, проговорилъ Петръ гадательно.

— Нѣтъ, кажись, выстрѣлъ не дробью, а пулею, ужъ это не нашего-ли звѣрька кто до насъ подцѣлъ, выстрѣлъ-то въ той сторонѣ!

Сидоръ прислушался еще, тишина... Съ пахмуренными бровями, съ досадою въ лицѣ онъ торопливо опережаетъ своего спутника и почти бѣгомъ пускается по вчерашнимъ своимъ слѣдамъ. Нѣсколько шаговъ... и полѣсовщикъ снова какъ вкопанный. Гдѣ-то не вдалекѣ раздался пронзительный человѣческій крикъ и все снова замерло... а черезъ нѣсколько секундъ оба спутника были поражены какимъ-то хриплымъ, остервенѣлымъ ревомъ медвѣдя.

— Не ладно!.. шепчетъ Сидоръ и кидается впередъ въ ту сторону, откуда вмѣстѣ съ ревомъ послышался хрустъ торопливыхъ шаговъ да трескъ вѣтокъ. Какая-то бѣгущая фигура натолкнулась на него у поворота тропинки. Внѣ себя, въ отчаяніи и страхѣ, человѣкъ этотъ выкрикнулъ что-то Сидору и понесся дальше. Полѣсовщикъ мгновенно схватилъ ружье, пробѣжалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ и очутился на небольшой прогалинѣ. Громадной величины медвѣдь съ окровавленной мордой шелъ на заднихъ лапахъ къ нему на встрѣчу. Съ яростнымъ ревомъ, похожимъ на бормотанье, разозленный звѣрь передними лапами вертѣлъ ружье. Мгновенье... и только дребезги ружья посыпались въ разныя стороны; сбоку его валялась сломанная рогатина, сзади обезображенный, окровавленный трупъ человѣка. Повелительнымъ, торопливымъ жестомъ Сидоръ протянулъ ружье товарищу и сказалъ шопотомъ:

— Стой сзади! Не мани на себя... въ сторону...

Прислонившись спиной къ дереву и разставивъ ноги такъ, что одна изъ нихъ упиралась въ стволъ дерева, а другая въ торчащій изъ подъ снѣга уголъ какого-то громаднаго камня, Сидоръ всталъ, какъ желѣзный. Уткнувъ конецъ рогатины въ стволъ грозою сломаннаго дерева, казавшагося теперь низкимъ пнемъ, крѣпко сжимая обѣими руками орудіе, онъ наклонилъ остріе его передъ собою въ сторону медвѣдя и замеръ въ такомъ положеніи.

Покончивъ съ ружьемъ, медвѣдь шелъ теперь прямо на Сидора. Остріе рогатины опустилось еще чуть-чуть. Съ раскрытою пастью, съ пѣной

у рта, съ глазами, налитыми кровью, звѣрь быстро подходилъ. Жилы на лицѣ Сидора вздулись, брови сдвинулись, глаза изъ подлобья впились въ самые глаза звѣря. За плечомъ полѣсовщика слышалось тяжелое дыханіе волновавшагося Петра. Заостренный конецъ рогатины еще двинулся книзу. Сидоръ намѣтилъ въ центръ живота. Всего шагахъ въ двухъ животное ринулось на земь, передними лапами рвануло снѣгъ, разбросало комья его въ разныя стороны, окрасило сочившеюся кровью своихъ ранъ и вдругъ съ оглушительнымъ, хриплымъ ревомъ мгновенно поднялось на заднія лапы и съ размаха кинулось на рогатину. Напоръ былъ неправильный, медвѣдь, наскочивъ какъ-то бокомъ, вдругъ повернулся передомъ. Сидоръ едва удержалъ равновѣсіе. Остріе рогатины пропороло бокъ, часть живота и уперлось въ позвоночный столбъ животнаго. Длинный зѣвъ раны раскрылся въ лѣвомъ боку звѣря, струя крови обдала рогатину. Медвѣдь сдѣлалъ движеніе назадъ, но вдругъ съ помутившимися глазами, судорожно ухватившись за поперечину орудія, всею тяжестью рухнулъ на снѣгъ.

Сидоръ съ трудомъ разжалъ окаменѣлыя на рогатинѣ руки.

Товарищъ его не могъ удержаться, чтобъ не всадить пулю въ глазъ издыхающаго животнаго.

— Ну, по примѣру вогулича, привалимъ тушу къ дереву, засыплемъ снѣгомъ и зарубку на деревѣ сдѣлаемъ, проговорилъ Сидоръ, переворачивая еще теплое туловище животнаго. — Ишь онъ все бокомъ набрасывался, гляди, и у тѣхъ, онъ мотнулъ головою на лежавшее невдалекѣ обезображенное тѣло охотника, — правымъ бокомъ задѣлъ рогатину, но только задѣлъ, пропоролъ кожу, сорвался, напоромъ сломалъ поперечину и смялъ подъ себя охотника...

— Вѣстимо, перебилъ Петръ, а управившись съ однимъ, къ другому поперъ, тотъ выстрѣлилъ да неудачно, попалъ не въ голову, а только пробилъ морду, а разрядивъ ружье, что было дѣлать? Въ страхѣ бросилъ его да въ бѣги... все вижу, какъ на ладонѣ; и жутко да и любо!.. добавилъ онъ, осклабляясь.

Они подошли къ трупу охотника: лицо распростертаго на снѣгу человѣка едва напоминало собою лицо, сорванный черепъ былъ завороченъ на спину, подлѣ него на снѣгу лежала окровавленная масса мозгу.

— Одинъ ударъ лапой! Потомъ быстрый поворотъ къ другому охотнику. Вотъ и все!.. проговорилъ Сидоръ въ раздумьи...

Съ сильною головною болью, едва ступая на опухлыя ноги вышелъ путешественникъ въ то утро изъ избы полѣсовщика вмѣстѣ съ хозяиномъ, отправлявшимся на медвѣжью охоту.

— Тебѣ все корытцемъ идти до самой Каменки, а мнѣ тутъ сворачивать къ вогуличьей горѣ, да берлогѣ медвѣжьей. Прощай! Добраго пути-дорожки, проговорилъ ему тогда Сидоръ и исчезъ въ лѣсу.

Путешественникъ прошелъ съ версту и остановился. Онъ чувствовалъ ознобъ, не то лихорадочный, не то вслѣдствіе перемѣны душной, жаркой избной атмосферы на холодный, морозный воздухъ. «Да ужь полно, идти-ли дальше? задалъ онъ себѣ вопросъ. Что-то такъ плохо чувствуется, какъ никогда прежде. Не наступаетъ-ли пора невольнаго отдыха. Два мѣсяца пѣшаго пути, проселками, съ горстью мѣдяковъ въ карманѣ, гдѣ прогнанный, гдѣ Христа ради пригрѣтый,— вотъ я на границѣ съ Сибирью! Уралы... Павдинскій камень!.. Какъ еще я выдержалъ, какъ не подохъ гдѣ-нибудь среди дороги съ голода, холода да усталости. Ну, не подохъ, такъ подохну. Чувствую, что силы измѣняютъ. Не воротится-ли? мелькнуло еще разъ въ головѣ, — благо у этой обезьяны-пермячки сердце доброе. Вѣдь оставляла же она меня, шептала, уговаривала пожить, отдохнуть хорошенько. А то голова трещитъ и точно тисками сдавливается, ноги...» Но онъ вдругъ махнулъ рукою и зашагалъ впередъ. «Пусть—что будетъ, а надо впередъ и впередъ, все дальше отъ... идти пока силы есть, пока ноги хоть сколько-нибудь двигаются. Ну, упаду, замерзну, что жь однимъ человѣкомъ меньше, вотъ и все,—песчинка, убывшая со дна моря. Песчинка! повторилъ онъ и вдругъ выпрямился. Если песчинка, то не нужно было и лгать, не нужно и прятаться, спасая никому не нужную жизнь...» Звяканье колокольчика заставило прохожаго встрепенуться. Онъ забылъ на минуту и слабость свою, и болѣзнь и сталъ всматриваться. Тремя лошадьми цугомъ на встрѣчу ему двигалась повозка; изъ подъ верха ея виднѣлся околышъ форменной фуражки съ кокардой. Сердце путешественника усиленно забилось, онъ вдругъ почувствовалъ себя бодрымъ и оглядѣлъ обѣ стороны дороги: лѣсъ близокъ, но нырнуть въ него нѣтъ возможности, прежде чѣмъ добраться, увязнешь по поясъ въ снѣгу... да и возбудишь подозрѣніе;—вмѣсто того, чтобы укрыться, попадешь на козлы вотъ этой самой повозки, съ нею въ первый уѣздный городъ, а тамъ... Въ какомъ-то жару прохожій поправилъ тряпицу, закрывавшую большую часть его лица, и шагнулъ въ снѣгъ, застрявъ тамъ чуть не по поясъ, чтобы дать дорогу подъѣзжающей повозкѣ. Только нѣсколько шаговъ раздѣляло ихъ: громадный ухабъ и раскатъ въ сторону. Глаза прохожаго спокойно встрѣтили спокойный, сонный взглядъ сѣдока повозки, закутаннаго въ енотовую шубу и верблюжій башлыкъ. Какъ вдругъ стукъ на ухабѣ, быстрое движеніе экипажа на раскатѣ въ сторону, встряска и повозка кверху полозьями, а сѣдокъ въ снѣгу барахтается рядомъ съ прохожимъ. Съ унылымъ видомъ слѣзаетъ ямщикъ съ козелъ, въ раздумьи чешетъ рукавицей затылокъ своего савика и пробуетъ тяжесть повозки, приподнимая ея край. Тяжела повозка вмѣстѣ съ чемоданами, матрасомъ и подушками, прикрѣпленными къ ней веревками да ремнями.—«Помоги парень!» молитъ онъ растерявшагося прохожаго.

Собравшись съ силами, тотъ вылѣзаетъ на помощь. Съ кряхтѣньемъ, стонами да уханьемъ, послѣ долгихъ усилій труды увѣнчались успѣхомъ. А его благородіе все еще барахтается. Захочетъ рукой опереться, чтобъ встать,—рука по самое плечо вязнетъ; съ трудомъ выдергиваетъ ее,— равновѣсіе теряетъ и опрокидывается на другой бокъ; съ ногами таже исторія. Не замѣчая молніеносныхъ взглядовъ барина, ямщикъ мелькомъ взглядываетъ на него и, спохватившись, разстилаетъ на снѣгу мѣховую одѣяльницу, покрывавшую ноги сѣдока до паденія. Какъ по мосту, переправилось начальство на дорогу, одною рукою схватило ямщика за шиворотъ, другою принялась выколачивать пыль изъ его загривка.

— За что-жь ты меня, ваше благородіе?.. За что? взмолился тотъ, не дѣлая ни малѣйшей попытки освободиться.

— А за то... гляди въ оба...

Негодованіе выразилось въ глазахъ прохожаго, но онъ сдержалъ себя.

— Такъ вѣдь я, нѣшто, тутъ причиной, ишь обозы ухабы-то да раскаты подѣлали, будь они проклятые, оправдывался ямщикъ. Опасеніе прохожаго за себя вдругъ какъ-будто исчезло, конвульсивнымъ движеніемъ передернуло его члены, кисти рукъ сжались въ кулаки, взглядъ, полный ненависти, встрѣтился со взглядомъ расправлявшагося благородія.

— Ты что за человѣкъ? Чего ты тутъ глазѣешь? Накинулся на него этотъ, выпустивъ изъ рукъ ямщика.—Кто ты? Что ты за человѣкъ?

Тутъ только прохожій вспомнилъ всю опасность своего положенія.

— Я крестьянинъ сосѣдняго уѣзда, ходилъ къ полѣсовщику съ бѣличьими шкурами, теперь домой иду, отвѣтилъ онъ скромно и повернулся, чтобы продолжать путь, но, пройдя нѣсколько шаговъ, остановился и сталъ смотрѣть вслѣдъ тронувшемуся экипажу. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ мѣста паденія экипажа виднѣлся новый раскатъ. Ямщикъ соскочилъ съ козелъ, нахлесталъ лошадей и побѣжалъ рядомъ съ экипажемъ, подперевъ бокъ повозки своимъ плечомъ. На этотъ разъ раскатъ миновали благополучно.

— Тьфу! Яремники... отплюнулся прохожій, взбѣшенный уже продѣлкою ямщика и съ глубокимъ вздохомъ, похожимъ на стонъ, пошелъ своею дорогой.

Когда все стихло и нервное возбужденіе крестьянина «Павла изъ Забѣгаевки» прошло, онъ снова началъ вдумываться въ свое положеніе и болѣзненное физическое ощущеніе стало сильнѣе прежняго напоминать о себѣ.

Онъ шелъ тихимъ, мѣрнымъ шагомъ, поглядывая по сторонамъ дороги. Снѣгъ забился въ рваныя валенки, въ рукава и прорѣхи короткаго полушубка и не таялъ тамъ; морозъ заледенилъ тряпицу, обматывавшую лицо и голову; морозъ пробирался до самыхъ костей, а вѣтеръ сухой и рѣзкій, такъ и валитъ съ ногъ, такъ и рѣжетъ, такъ и силится докончить начатое морозомъ — истрепать, свалить, уничтожить все живое, попадающееся навстрѣчу.

Мало-по-малу дрожь овладѣла всѣми членами путешественника. Зубы его стучали отъ холода. Идетъ часъ полтавскій крестьянинъ — ни души на встрѣчу, кругомъ лѣсъ да снѣгъ, ни малѣйшаго признака жилья, ни звука, а подъ давленіемъ сорока-градуснаго мороза «матушки-зимушки», поилицы-кормилицы павдинскаго мужика, всѣ члены его цѣпенѣютъ. Превозмогая себя, тащится онъ шагъ за шагомъ, теряя понемногу ощущеніе боли въ опухлыхъ ногахъ, ощущеніе невыносимой ломоты въ головѣ, теперь точно налитой свинцомъ, но взамѣнъ боли онъ чувствуетъ, какъ всѣ его движенія связываются, замедляются сами собой, самая мысль остановилась на одномъ желаніи прилечь. Время тянется для него медленно, дорога кажется безконечной. Прошелъ еще часъ. Прохожій выбивался изъ силъ, задыхался. Вѣтеръ со свистомъ рванулся въ опушку лѣсную и качнулъ верхушкою молодой березы, точно изъ любопытства выдвинувшейся къ самой дорогѣ. Громадная ворона шарахнулась оттуда, упала на снѣгъ, встрепенулась, медленно взмахнула крыльями и точно поплыла въ воздухѣ, поднявшись аршина на два надъ дорогой. Путешественникъ апатично смотрѣлъ за ея медленнымъ, будто соннымъ, полетомъ, видѣлъ, какъ движеніе крыльевъ становилось болѣе и болѣе вялымъ, точно обладательница ихъ засыпала, какъ, наконецъ, птица дрогнула въ воздухѣ и съ поджатыми ножками и распростертыми крыльями шлепнулась на снѣгъ и осталась безъ движенія.

«Общая доля у насъ съ тобой», отнесся прохожій мысленно къ замерзшей птицѣ и гримаса, плохо напоминающая улыбку, горькая, больная гримаса мелькнула по его лицу.

На встрѣчу въ это время показался Петръ изъ Каменки, шедшій къ вогуличьей горѣ для соединенія съ полѣсовщикомъ. Петръ, выросшій на сорока-градусномъ морозѣ и привыкшій къ нему, шелъ бодро и весело. Его одежда, приспособленная къ павдинской зимѣ, — савикъ, надѣтый поверхъ полушубка и шапки и стянутый у пояса веревкой, да высокіе обсоюженные катанки—не стѣсняла его движеній, а хорошо защищала отъ мороза и вѣтра. Засунувъ руки въ рукава, съ широкой улыбкой на лицѣ, онъ быстро приближался. Паръ отъ дыханія клубомъ стлался кру-

гомъ лица, частый, отрывистый хрустъ снѣга подъ его шагами говорилъ о здоровьи и бодрости идущаго.

Прохожій остановился, когда Петръ поровнялся съ нимъ.

— Скажи, молодецъ, далеко-ль до Каменки? спросилъ онъ дребезжащимъ голосомъ.

— А верстъ семь, поди-ка, не болѣ. Иди скорѣе! Въ экой морозъ останавливаться,—въ добрый часъ, будь сказано,—не ладно Ишь у тя въ прорѣхи-то вѣтеръ свищетъ да и самъ весь закуржевѣлъ. И Петръ еще быстрѣе зашагалъ впередъ.

Прохожій обернулся, позавидовалъ здоровью и бодрости Петра и съ затаеннымъ вздохомъ поплелся своею дорогою, еле передвигая ноги. Семь верстъ впереди ему казались цѣлою вѣчностью. «Ну, доберусь какъ-нибудь, отдохну, высплюсь и завтра далѣе, а нѣтъ такъ пробуду и сутки», мелькнуло у него въ головѣ. «Далѣе... а куда? зачѣмъ? Ха, ха, въ писаря на пріиски; ха, ха... лжи конца нѣтъ!» Но что это? Крестьянинъ полтавскій вдругъ пошатнулся. Ему показалось, что лѣсъ и дорога двинулись въ сторону. Съ трудомъ устоявъ на ногахъ и собравъ послѣднія силы, шагъ за шагомъ онъ сталъ подвигаться далѣе. Длинный обозъ, нагруженный цибиками чая, тянулся навстрѣчу. Какъ-то тупо, почти машинально путешественникъ залѣзъ въ снѣгъ, чтобы дать ему проѣхать и уже совсѣмъ не помнилъ, какъ выбрался снова на дорогу. Завзвѣнѣлъ колокольчикъ: какой-то купчикъ, поддавая прыти конямъ на спинѣ ямщика, лихо пронесся, молодецки приcкакивая въ ухабахъ.

Путешественникъ, стоя въ снѣгу, видѣлъ его уже точно сквозь сонъ и въ то время, когда онъ занесъ ногу, чтобы шагнуть на твердый путь, и дорога корытцемъ, и лѣсъ, и догонявшій его обозъ съ бочками сахара, вдругъ повернули въ сторону, поднялись раза два волнообразно въ воздухѣ и исчезли изъ глазъ; все подернулось темно-зеленымъ мутнымъ цвѣтомъ; еще мгновеніе и Павелъ изъ Забѣгаевки рухнулъ навзничь, потерявъ всякое сознаніе.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Сплинъ.

Стих. Кн. Дм. Голицына.

Мнѣ оттого жизнь стала тяжела,
Что съ каждымъ днемъ все менѣе свѣтла
Становится грядущаго картина,
Что, будто вихрь, съ собою унесла
Надежды всѣ глубокая кручина.

Мнѣ жалко васъ, надежды первыхъ лѣтъ!
Мнѣ изъ за васъ казался дорогъ свѣтъ
Съ его пустой наружностью блестящей.
Теперь ужь васъ, надеждъ прекрасныхъ, нѣтъ,
Нѣтъ цѣли той чудесной и манящей.

Исчезли вы, волшебныя мечты!
Завяли вы, фантазіи цвѣты!
Не воскресить васъ радостью минутной.
Вы людямъ всѣмъ казалися пусты
При жизни ихъ безцвѣтной и распутной.

Мнѣ жаль тебя, блестящій идеалъ!
Ты жизнь моей душѣ несчастной далъ
Въ виду борьбы съ судьбой моей печальной.
Но нѣтъ тебя,—тяжелый часъ насталъ,
Закрытъ былъ видъ картины идеальной.

Да! нѣтъ теперь покоя для меня;
Я въ мукахъ жду своей кончины дня.
Въ страданьяхъ жить не чувствуя я силы.
Угасъ ты, лучъ завѣтнаго огня,—
Я жду тебя, спокойствіе могилы.

Въ груди моей, сжигая сердце мнѣ,
Горитъ теперь, въ безмолвной тишинѣ,—
Горитъ во мнѣ огнемъ смертельнымъ злоба.
Темно кругомъ... Вы, скорби, лишь однѣ
Покрыли путь до смерти и до гроба.

Меня убьетъ съ несчастіемъ борьба...
Но дай мнѣ жить, дай счастія, судьба!
Дай побѣдить до дня моей кончины!..
Хоть день одинъ мнѣ будетъ жизнь люба,
Хотя день одинъ жизнь будетъ безъ кручины!

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(*Продолженіе*).

Кабала и вообще отношенія къ русскимъ и зырянамъ сдѣлали самоѣда изъ воинственнаго людоѣда существомъ робкимъ, которое боится каждаго торговаго мужика или разсыльнаго полицейскаго управленія. Вотъ что, напр., разсказываетъ Кастренъ: «Дорогой я наткнулся на самоѣдина, который отдыхалъ съ своими оленями. «Куда?» спросилъ я. «Въ питейный домъ», отвѣчали мнѣ твердымъ голосомъ. Отрекомендовавшись самоѣдину, какъ путешествующій чиновникъ, я завелъ съ нимъ разговоръ и между прочимъ случайно спросилъ о числѣ его оленей. Изъ этого онъ подозрительнымъ самоѣдскимъ умомъ сдѣлалъ заключеніе, что у меня есть виды на его оленей. Бѣднякъ сталъ умолять меня о пощадѣ, снялъ свою шапку и три раза ударился лбомъ о снѣгъ, покрывавшій мои сапоги. Не менѣе робки самоѣды и передъ своею аристократіей, о которой разсказываетъ тотъ же Кастренъ: «Одинъ изъ самоѣдовъ обратилъ на себя мое вниманіе необыкновенною одеждою, страннымъ видомъ и пріемами. Самоѣдинъ этотъ былъ въ малицѣ, покрытой свѣтло-синимъ сукномъ и украшенной пушистымъ подоломъ изъ собачьяго мѣху. Его пестрые сапоги были завязаны выше икоръ красными лентами съ кисточками, которыя спускались довольно низко. На самой маковкѣ у него была надѣта на бекрень остроконечная шапка изъ оленьяго мѣха. Во время разговора съ моими ямщиками самоѣдинъ изгибался назадъ. Лѣвая рука неподвижно лежала при бедрѣ, правая была протянута, указательный палецъ дѣлалъ запятыя и черточки. Одинъ былъ глазъ закрытъ, а другимъ самоѣдинъ тѣмъ пристальнѣе смотрѣлъ на свой предметъ. Его губы были чрезвычайно тонки и почти не шевелились, когда онъ говорилъ. Лобъ былъ низокъ, темя остроконечно. Эта странная физіономія принадлежала самоѣдину-аристократу... Богатый самоѣдинъ, въ собственномъ мнѣніи, гораздо значительнѣе многихъ маленькихъ князей и терзаетъ своихъ, менѣе счастливыхъ, земляковъ съ большею строгостью, чѣмъ многіе изъ сильныхъ міра. Будь у него къ тому же небольшая должность,—и спѣси его нѣтъ предѣловъ. Мой самоѣдинъ, избранный своими земляками въ помощники старшины канинской тундры, считалъ себя выше всѣхъ прочихъ аристократовъ своего племени и онъ умѣлъ вести себя соотвѣтственно той самоувѣренности, какую внушали ему богатство и важность его сана». Что эта аристократія не исключительно денежная, а именно аристократія по происхожденію, удостовѣряетъ Верещагинъ въ своихъ «Очеркахъ архангельской губерніи». Онъ говоритъ: «У самоѣдовъ есть родъ аристократическій и плебейскій. Самоѣдскій аристократъ ничѣмъ не уступитъ всякому другому: осанка его важна и одежда лучше, нежели у прочихъ. Если ему случится быть въ гостяхъ и пить чай, то, разливъ въ блюдечко чаю, онъ отдаетъ чашку въ руки своему слугѣ, который смиренно ожидаетъ, пока господинъ его выкушаетъ блюдечко». Эти аристократы выбираются преимущественно въ общественныя должности—старшинъ и ихъ помощниковъ. Въ самомъ уставѣ объ управленіи самоѣдами сказано, что всѣ самоѣды, носящіе почетныя званія между своими родовичами, удерживаютъ свои званія и пользуются «тѣми почестями, какія въ мѣстахъ ихъ жительства обычай имъ предоставляетъ». Эти богачи и аристократы тундры полезны народу только тѣмъ, что около нихъ свободно кормятся нищіе. Если богатый самоѣдинъ отказалъ нуждающимся бѣднякамъ въ оленѣ для пропитанія, то тѣ угоняютъ у богача по оленю или по два на человѣка, и общій ихъ мірской судъ оставляетъ эту кражу безъ взысканія, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, богатый обязанъ помогать бѣдному и не долженъ позволять ему страдать отъ голода. Нарушенія этого обязательства со стороны богачей бываютъ рѣдко; оттого очень рѣдко случается, чтобы самоѣды крали у самоѣдовъ, между тѣмъ какъ у русскихъ они крадутъ часто. Женщина у самоѣдовъ считается существомъ низшимъ, даже нечистымъ, поганымъ. Во многихъ самоѣдскихъ обычаяхъ выражается презрѣніе къ женщинѣ. Она не можетъ переходить за черту синкуя (священное мѣсто напротивъ дверей, занимаемое божкомъ), а должна обходить это мѣсто, какъ бы ни былъ обходъ этотъ неудобенъ. Переступить черезъ синекуй значитъ опоганить святыню и самоѣдскія женщины строго чтутъ этотъ обычай. Нарушеніе его непремѣнно навлекло бы, по понятіямъ самоѣдовъ, какую-нибудь бѣду и предупредить ее можно только, бросивъ въ синекуй горящій уголекъ, такъ какъ «огонь все очищаетъ». Еще больше удерживается самоѣдка, чтобы не переступить черезъ огонь; преступленіе это было-бъ еще большимъ несчастьемъ, такъ какъ огонь пользуется у самоѣдовъ большимъ уваженіемъ. Вообще всякая вещь, черезъ которую переступитъ женщина, считается нечистою и должна быть окуриваема для очищенія верескомъ или оленьимъ саломъ. Если женщина перейдетъ дорогу, по которой самоѣдинъ-язычникъ везетъ сани со своими божками, то онъ возвращается и объѣзжаетъ то мѣсто, по которому прошла женщина. Постель, на которой спитъ женщина, считается нечистою; самыя сани, на которыхъ перевозятся женскія постели, считаются до того погаными, что ни одинъ самоѣдинъ не сядетъ на нихъ, а если бы присѣлъ русскій, то надъ нимъ смѣются и называютъ поганымъ.

Женщина, какъ существо нечистое, не можетъ присутствовать въ чумѣ, гдѣ тадибей (шаманъ) приготовляетъ свой пензеръ (волшебный барабанъ). Она не можетъ присутствовать при обрядѣ жертвоприношеній и ѣсть мяса жертвеннаго животнаго, а также не можетъ прикасаться къ божку. Имъ также воспрещается ѣсть мясо тѣхъ животныхъ, которыя считаются у самоѣдовъ священными, напр., медвѣдей. Если у язычниковъ самоѣдовъ приходилось женщинѣ переѣзжать черезъ священную рощу, то чтобы не осквернить ее, женщина должна была прежде вступленія въ эту рощу сорвать лоскутокъ сукна съ своей одежды, пуговицу или какое-нибудь другое украшеніе и привѣсить на дерево. Крещеные самоѣды, само собою разумѣется, не соблюдаютъ многихъ изъ этихъ обрядовъ, имѣющихъ мѣсто только у язычниковъ, отстаютъ также и отъ обычая окуривать будто бы опоганенныя женщиною вещи, но все-таки продолжаютъ считать женщину нечистою. Особенно же нечистою считается родильница. Для нея ставится особый чумъ, который называется сямай мядико, т. е. поганый чумъ. Въ этотъ чумъ никто не входитъ, кромѣ родильницы и женщины, исправляющей обязанность повивальной бабки, которыя, впрочемъ, не выходятъ изъ нея, пока не очистятся, обмывшись щелокомъ изъ березовыхъ губокъ. Если нѣтъ особаго чума, то женщина родитъ и въ общемъ, но тогда бабка очищаетъ

и чумъ и людей, находящихся въ немъ, кропя водой, въ которой сварена березовая губка. Впродолженіи восьми недѣль родильница считается столь нечистою, что не можетъ даже раз дѣлять пищи съ мужемъ. Когда пройдетъ этотъ срокъ, ее окуриваютъ оленьимъ саломъ или верескомъ, а чумъ переносятъ на другое мѣсто. чала насыщаются, а потомъ приступаютъ къ трапезѣ женщины, которыя должны довольствоваться объѣдками. Даже русская женщина, болѣе чистая, по понятіямъ самоѣдовъ, не можетъ раздѣлять пиршества съ мужчинами. Кастренъ, присутствовавшій на самоѣдской свадьбѣ съ женой священника, разсказываетъ, что онъ едва могъ ей обязанъ. Но изъ всѣхъ положеній самоѣдской женщины самое тяжелое есть положеніе жены, особенно у самоѣдовъ язычниковъ, гдѣ допускается многоженство. Мужъ съ женой всегда обращается грубо, да и не можетъ быть иначе при ихъ взглядахъ на женщину. Тяжесть же положенія женъ еще увеличивается соперничествомъ,

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГРЮЦНЕРА.

Знатокъ.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

Если женщина случайно родила въ саняхъ, то тѣ сани сжигаются; олени, которые были випряжены, убиваются, а мясо ихъ отдается собакамъ.

Вообще положеніе самоѣдскихъ женщинъ очень тягостно и унизительно. Онѣ не могутъ даже принимать участія въ пиршествѣ своихъ мужей: если заколютъ оленя, то мужчины спа- убѣдить хозяина чума, чтобы тотъ пригласилъ и его спутницу пить чай вмѣстѣ. Когда мужчина пьетъ водку, самоѣдка, такая же страстная охотница до нея, только смотритъ ему въ глаза и ждетъ, не удѣлитъ-ли онъ ей хоть немножко. Будь самоѣдка матерью, женой или дочерью — всегда ея положеніе тяжело и полно унизительной зависимости отъ мужчины, который столько которое естественно возникаетъ между ними, такъ какъ каждая изъ нихъ желаетъ преобладанія надъ прочими; мужъ обыкновенно не вмѣшивается въ дѣла своихъ женъ, предоставляя имъ самимъ вѣдаться, какъ знаютъ. Изъ женъ большимъ уваженіемъ, а слѣдовательно, и большимъ правомъ на власть и преобладаніе, пользуется первая жена. Если у самоѣдина нѣсколько женъ,

то онѣ чередуются между собою въ ухаживаніи за мужемъ. Дежурная жена должна убирать чумъ, стлать постель, одѣвать и раздѣвать мужа, сушить люпты (родъ обуви) и проч.; дежурство продолжается обыкновенно недѣлю. Самоѣдская женщина такъ свыклась со своимъ положеніемъ полной зависимости, такъ мало имѣетъ понятія о чемъ-либо лучшемъ, что для нея угодить мужу есть главная цѣль жизни, первый предметъ ея мыслей, заботъ и желаній. Сама она совершенно обезличивается, теряетъ даже способность самостоятельно желать и чувствовать. Самоѣдская свадьба очень хорошо рисуетъ первобытную грубость нравовъ этого племени и мы передадимъ здѣсь разсказъ Кастрена:

«При нашемъ прибытіи въ свадебную палатку нѣсколько гостей уже безъ чувствъ лежало на землѣ, они валялись безъ шапокъ, головой прямо въ сугробъ, и вѣтеръ покрылъ ихъ лица снѣгомъ. Но вотъ подходитъ женатый человѣкъ, осматриваетъ трупы, узнаетъ, наконецъ, свою супругу, хватаетъ ее за голову, поворачиваетъ спиной къ вѣтру и падаетъ подлѣ нея, а вотъ другой бѣгаетъ вокругъ съ кофейникомъ, отыскиваетъ свою подругу и вливаетъ ей въ горло нѣсколько водки. Здѣсь одинъ наткнулся на своего врага, ударилъ его нѣсколько разъ и отошелъ прочь. Мы вошли въ палатку, здѣсь старикъ, молодыя дѣвушки, мужчины и женщины сидѣли въ перемежку. Въ числѣ самыхъ пьяныхъ былъ и женихъ. Я сѣлъ и выпилъ чаю съ хозяиномъ и сватомъ. Только съ большимъ трудомъ удалось мнѣ добиться, чтобы хозяинъ пригласилъ въ общій кружокъ и мою спутницу, жену пастора.

«Послѣ чая хозяинъ приказалъ убить сѣвернаго оленя; животное упало на землю отъ легкаго удара топоромъ по лбу. Послѣ этого прикололи оленя ножемъ въ сердце и вынули дыхательные пути. Изъ-за нихъ возникла драка между присутствующими, которая кончилась тѣмъ, что раздѣлили ихъ между ближайшими родственниками новобрачныхъ, которые должны были съѣсть ихъ тотчасъ же. Съ оленя сняли шкуру, вскрыли животъ, выбросили вонъ негодное для ѣды и положили звѣря на спину. Онъ имѣлъ видъ большого овальнаго сосуда, въ которомъ легкія, печень и другіе лакомые кусочки плавали въ значительной массѣ крови. Хозяинъ взялъ меня за руку, подвелъ къ оленю и предложилъ начать трапезу. Какъ ясно онъ ни выговорилъ свое желаніе, я все-таки притворился, что не понимаю его, и остался, такимъ образомъ, совершенно безучастнымъ передъ жертвой. Между тѣмъ вокругъ звѣря собрались свадебные гости; они вынули длинные ножи, отрѣзали по ломтю теплаго дымящагося мяса, обмакнули его въ кровь, руками поднесли кусокъ ко рту и начали жевать, поднявъ лицо кверху, и во время жеванія ножемъ отрѣзывали часть ломтя. Оставшаяся часть снова мокалась въ кровь и снова отправлялась въ ротъ. Кровь текла по бородѣ и шеѣ. Легкое и печень были съѣдены послѣ въ видѣ десерта. Во время такого отвратительнаго обѣда дѣвицы запѣли самоѣдскія пѣсни, прекрасныя по содержанію, но по мелодіи похожія на кваканье лягушекъ. Пѣніе и пиръ были прерваны трагическимъ случаемъ. Какой-то самоѣдъ съ острымъ лицомъ взглянулъ въ дверь палатки и скрипучимъ голосомъ попросилъ позволенія участвовать въ пирушкѣ. Нѣкоторые изъ гостей пригласили его войдти и онъ воспользовался приглашеніемъ. Но это случилось безъ вѣдома хозяина. Лишь только послѣдній замѣтилъ незваннаго гостя, какъ приказалъ вытолкать его вонъ. Нѣсколько готовыхъ рукъ поспѣшили исполнить приказаніе, другіе поднялись на защиту гостя. Хозяинъ схватился съ сватомъ и я попался между ними. Въ палаткѣ сдѣлалось большое смятеніе и безсмысленно били другъ друга; котелъ, кофейники, горшки и другіе сосуды были опрокинуты и разлетѣлись. Исторія кончилась тѣмъ, что самоѣда вытолкали. Къ вечеру охота драться усилилась, куда ни посмотришь, вездѣ дерутся люди. Обыкновенно начиналось съ того, что хватали другъ друга за щетинистые, черные волосы и потомъ бились кулаками, а нерѣдко дрались костями и другими остатками пира. Битва начиналась безъ всякой причины, стоило двоимъ встрѣтиться и ужь таскали они другъ друга за волосы, не обращая вниманія на возрастъ и полъ. Здѣсь не просили и не давали пощады; каждый билъ и защищался изо всѣхъ силъ; побѣжденный обыкновенно оставался на снѣгу, а побѣдитель отправлялся далѣе, чтобы совершать новые геройскіе подвиги. Соскучившись такимъ зрѣлищемъ, мы съ наступленіемъ ночи отправились домой».

Самоѣдъ страстный любитель табаку и водки. Предложите самоѣду сигару или табаку—онъ не станетъ курить. Напротивъ, сейчасъ же за щеку положитъ или жевать начнетъ. С. В. Максимовъ предложилъ своему проводнику сигару. Тотъ откусилъ порядочный кусокъ—и давай его жевать. Остальную половину за рукавъ. Его останавливаютъ совѣтомъ: «Курить это надо. Не ѣшь, скверно».—«Сожру... хорошъ... порато».—«Ѣдятъ вѣдь, ваше благородіе. Ты его не замай, пояснилъ хозяинъ пустозерецъ. Имъ этотъ табакъ пуще водки. Привозимъ мы имъ въ чуму деркачу этого; за горсть песца отдаютъ». Водка — другое наслажденіе инородца. Онъ пьетъ ее или сосетъ, когда она обращается въ ледяные куски, пьетъ разбавленною съ водой. Самоѣды слѣдующимъ образомъ описываютъ наслажденіе быть пьянымъ: «Вино вкуснѣе мяса; какъ напьешься, такъ и разбогатѣешь. У тебя вдругъ появится много оленей и дѣлаешься купцомъ. А какъ проснешься, такъ и узнаешь, что бѣденъ и пропитъ послѣдній олень».

Водка, сифилисъ и цынга, вѣроятно, скоро сметутъ съ лица земли послѣдніе остатки архангельскихъ самоѣдовъ, угодья и стада которыхъ перешли къ зырянамъ, идолы и капища разрушены миссіонерами, не сумѣвшими, однакожь, обратить ихъ въ христіанство и искоренить кудесничество ихъ шамановъ или тадибовъ. Полными наслѣдниками ихъ останутся разбогатѣвшіе на ихъ счетъ торгаши тундры — зыряне архангельской губерніи (7,000 чел.), образъ жизни которыхъ рѣзко отличается отъ зырянъ вологодской губерніи (65,000 чел.). Первые почти совершенно обрусѣли, живутъ богато, торгуютъ и плутуютъ отлично; вторые живутъ грязно, пробавляясь лѣсными промыслами и хлѣбопашествомъ, но тоже сильно русѣютъ и безъ сомнѣнія скоро сольются съ русскимъ населеніемъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Дамьянъ Цапенко.

Разсказъ **В. Оконьскаго.**

«Изъ Лубы, каменецкаго уѣзда, подольской губерніи, ефрейторъ третьей роты завихостской бригады пограничной стражи»—такъ рекомендовалъ себя офиціальнымъ слогомъ, не переводя духа, Дамьянъ Цапенко. Если же его спрашивали не офиціально, онъ отвѣчалъ односложно: «малоросъ». Правду сказать, послѣднее объясненіе было совсѣмъ лишнее; если-бы даже черные, томные глаза Цапенки, смуглое его лицо и странное выраженіе какой-то печали и доброты, осѣвшее на его губахъ, не говорили о его происхожденіи, то одно сказанное имъ слово обнаруживало его: рѣчь Цапенки отличалась пѣвучими переливами, точно пѣсня степной птицы. Городскіе лингвисты увѣряли, что языкъ Цапенки слѣдовало-бы отнести къ испорченному несвойственными ему элементами мѣстному языку, но, въ сущности, это былъ малороссійскій языкъ, кое-гдѣ испещренный нѣсколькими офиціально-солдатскими оборотами. И по-польски Цапенко говорилъ правильно; съ однимъ только не могъ справиться—ударенія очень часто ставилъ не впопадъ, сохраняя ударенія родного языка. Воспитывался онъ или, вѣрнѣе, выросъ въ домѣ лубскаго помѣщика, у котораго отецъ его, старикъ Цапенко, былъ пчеловодомъ. Во время рекрутскаго набора, когда Дамьяну исполнилось восемнадцать лѣтъ ему пришлось разстаться съ роднымъ угломъ. Судьбѣ угодно было сдѣлать изъ красиваго парня ретиваго солдата пжесмыкской пограничной стражи. Здѣсь-то нашему герою безъ всякаго труда съ его стороны очень легко дался польскій языкъ, на которомъ онъ не только изъяснялся прекрасно, но ругалъ мальчишекъ и говорилъ комплименты дочери эконома. Говорятъ даже, что эта молодая дѣвушка въ день своего ангела получила отъ Цапенки поздравленіе въ стихахъ и притомъ довольно изящныхъ.

Всему, что мы выше сказали о Цапенкѣ, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ, не только не вѣрилъ Эдуардъ Таборъ, занимающійся торговлею хлѣбомъ въ Пжесмыкѣ, или, какъ говорили о немъ сосѣди, предводитель пжесмыкскихъ контрабандистовъ, но даже утверждалъ, что все это сущая неправда. Таборъ говорилъ всѣмъ и каждому, что Цапенко калмыкъ, что онъ не знаетъ никакого языка, даже на своемъ родномъ не умѣетъ изъясняться, что стихи не онъ писалъ и что ухаживаетъ за барышней Мотылинской единственно потому только, чтобы получить отъ папаши въ подарокъ отличный чубукъ и серебряную трубку. Мы же съ своей стороны считаемъ долгомъ обратить вниманіе читателя и на то, что Таборъ, съумѣвшій на деревѣ своего израильскаго происхожденія привить три народныхъ черенка: нѣмецкій, польскій и русскій.—самъ не умѣлъ говорить ни по нѣмецки, ни по польски, ни по русски и, какъ претендентъ на руку и сердце барышни Мотылинской, а слѣдовательно соперникъ Цапенки, не могъ ужь потому одному отличаться безпристрастіемъ въ сужденіяхъ о Дамьянѣ. Даже людямъ, не знающимъ обоихъ, пристрастіе Табора бросалось въ глаза.

Въ одинъ осенній день Таборъ ходилъ вдоль пограничной черты взадъ и впередъ, разсматривая съ большимъ вниманіемъ окружающую мѣстность. Незнакомые съ образомъ жизни этого человѣка готовы были бы поручиться, что это вождь, осматривающій мѣстность наканунѣ сраженія. Таборъ между тѣмъ подошелъ къ садику Мотылинскаго, въ которомъ красавица Гортензія съ самой мадамъ занималась обрѣзываніемъ листьевъ капусты. Увидѣвъ ихъ, Таборъ остановился у забора; онъ стоялъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока обѣ женщины не посмотрѣли въ его сторону; тогда Таборъ щелкнулъ языкомъ, прищурилъ глаза, выдвинулъ свои толстыя губы впередъ и, сдвинувъ фуражку на затылокъ, покрытый курчавыми волосами, пошелъ домой. Нѣсколько времени спустя, онъ снова вышелъ и направился въ сторону дворовыхъ службъ помѣщичьяго дома. Гортензія, дѣвица отъ природы богато одаренная тѣломъ, краснощекая, съ вѣчно смѣющимися глазами, сидѣла уже у окна и плела кружевной желтый платокъ. Она издали увидѣла Табора и, презрительно улыбнувшись, показала языкъ въ его сторону, при этомъ, конечно, была настолько осторожна, что поднялась со стула и отошла отъ окошка. Она затѣмъ только встала, чтобъ посмотрѣть въ зеркало и вплести въ тоненькія, напомаженныя косы нѣсколько цвѣтовъ изъ стоявшаго въ стаканѣ на комодѣ букета. Косички Гортензіи были такъ коротки, что едва обхватывали ея голову.

— Папаши нѣтъ, сказала она Табору, принимая видъ разсерженной барышни, знающей, что

кокетство слѣдуетъ проявлять въ различныхъ формахъ.

— Намъ папаши и не надо, отвѣчалъ Таборъ, вынимая изъ подъ длиннаго пальто кусокъ ситца и ловко загибая уголъ куска такъ, чтобы узоръ былъ видѣнъ.

Пестрые цвѣта узоровъ ситца, составившіе съ красными щеками барышни, зеленымъ ея платьемъ и желтымъ платкомъ, самую полную дисгармонію, приковали къ себѣ удивленные глаза пжесмыкской красавицы. Недолго однако продолжалось ея изумленіе. Обгрызывая ноготь довольно толстаго пальца правой руки, барышня спросила:

— Вы это продаете?

— У меня для продажи ничего нѣтъ для васъ, а только все въ подарокъ.

— Не хочу, не хочу, кричала Гортензія, искоса посматривая на ситецъ.—Возьмите себѣ назадъ.

— Ахъ, барышня, ангелъ!.. Развѣ я не знаю, что вы можете себѣ купить что-нибудь красивѣе этого, но отчего-жь не хотите принять такой пустякъ отъ меня? Вѣдь я преподношу вамъ это отъ чистаго сердца?..

Таборъ схватилъ ее за красную, толстую руку и, облизывая губы, всматривался въ полныя формы ея стана, какъ будто ускоренный ритмъ ея скрипучаго дыханія былъ предвѣстникомъ будущихъ наслажденій...

— Барышня, ангелъ...

Таборъ дрогнулъ и замолчалъ. Въ открытыхъ дверяхъ стоялъ Цапенко.

— Идите къ чорту! вскрикнула, не церемонясь, барышня и оттолкнула довольно неграціознымъ движеніемъ руку навязывающагося обожателя.

Въ словахъ и движеніяхъ Гортензіи Цапенко видѣлъ знакъ вѣрности и, подозрѣвая, что сталъ невольнымъ свидѣтелемъ сцены искушенія, онъ спросилъ грозно:

— Откуда у васъ этотъ ситецъ?

— Изъ лавки, отвѣчалъ Таборъ, не смущаясь грознымъ видомъ соперника.

— А пломба гдѣ?

— А развѣ пломба — это медаль или орденъ, который слѣдуетъ носить при себѣ? Я не продаю этого ситца, я купилъ его и имѣлъ полное право оторвать пломбу!

— А я имѣю полное право конфисковать это, кричалъ Цапенко.—Это контрабанда!

— Чего вы кричите, что съ вами! Ваше дѣло на границѣ, у васъ нѣтъ приказа дѣлать обыскъ въ этомъ домѣ!

Эти слова однако не подѣйствовали на Цапенко. Онъ схватилъ ситецъ, потомъ руку Табора и закричалъ:

— Пойдемъ къ капитану, пойдемъ!

— Ну, онъ вѣдь не съѣстъ меня, не съѣстъ! кричалъ ему въ отвѣтъ Таборъ.

Но пжесмыкская красавица, потерявшая во время ссоры двухъ соперниковъ, румянецъ и улыбку и не на шутку струсившая, боясь отвѣтственности и потери подарка, подошла къ Цапенко.

— Г. Цапенко, мой дорогой г. Цапенко, обратилась она къ Цапенко,—оставь ты его, пусть его...

— А развѣ онъ для васъ принесъ этотъ ситецъ?

— Я не хотѣла, отвѣчала, смущаясь, Гортензія,—а онъ приставалъ...

— Ну, рѣшилъ Цапенко,—я прощаю, потому что эта барышня проситъ. Но чтобы ты ей не давалъ запрещенныхъ товаровъ, я куплю этотъ ситецъ. Вотъ тебѣ рубль!

— У-у, какой баринъ, смѣялся Таборъ,—даетъ рубль за кусокъ ситца по 30 центовъ аршинъ. Давай копѣйку!

— Вольному воля... Не хотите, такъ я даромъ достану, а ты еще штрафъ заплатишь!

— Ну, возьмите, возьмите, упрашивала Гортензія.

— Понятно, возьму! Чтожъ мнѣ дѣлать съ такимъ разбойникомъ, сказалъ Таборъ и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Если-бы Цапенко посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ, что его соперникъ отправился къ капитану, онъ навѣрное въ сладкомъ en deux съ барышней-красавицею почувствовалъ бы горькую каплю безпокойства. Но нашъ ефрейторъ, потушивъ остатки гнѣва нѣсколькими своеобразными словцами, весь потонулъ въ изліяніяхъ своей любви Гортензіи, которая, не считая много другихъ, въ одномъ удовлетвореніи ея просьбы и ситцѣ находила вѣскія причины для оказанія бóльшихъ, чѣмъ обыкновенно, ласкъ своему обожателю.

Какія намѣренія зародились подъ черепомъ выходящаго изъ себя Табора, по его мертвоблѣдному, густою бородою и курчавыми волосами затѣненному лицу, нельзя было узнать. Одно только знаемъ: Таборъ, придя къ капитану, попросилъ у него позволенія на проходъ черезъ границу.

— Все это прекрасно, г. Таборъ, сказалъ капитанъ,—но мнѣ снова говорили, что вы нанимаете мужиковъ, которые для васъ переносятъ товары черезъ границу.

— Я? я, который втеченіи сорока лѣтъ ни разу противозаконно даже подумать не смѣлъ?.. Ахъ, г. майоръ, я вѣдь христіанинъ; пусть буду я проклятъ, если кто-нибудь сможетъ доказать какой-нибудь фелеръ въ моемъ характерѣ. Развѣ я не занимаюсь торговлею? Зачѣмъ же я буду контрабандою заниматься? Какъ это, г майоръ, вы могли повѣрить такому доносу?

— Теперь пока я ничего не допускаю, но предупреждаю васъ, что если васъ поймаютъ, плохо будетъ.

— Ну, пусть будетъ плохо, пусть меня поймаютъ! Пусть меня застрѣлятъ, пусть законъ дѣлаетъ со мною, что ему угодно,—я спокоенъ. Ахъ, г. майоръ, я знаю кто меня преслѣдуетъ,— Цапенко, хотя я ни одного худого слова объ немъ еще не сказалъ.

— А что-бы такое вы могли сказать о немъ?

— Но, ничего... Это пустякъ, что онъ сегодня подарилъ дочери Мотылинскаго кусокъ австрійскаго ситца,—это небольшая важность.

— Не врите, не врите... Цапенко хорошій солдатъ.

— Очень возможно, но онъ и хорошій любовникъ.

— А я напротивъ слышалъ, что это вы ухаживаете за Мотылинской.

— Ай, ай... Я ухаживаю, но за ея отцомъ, чтобъ онъ мнѣ возобновилъ аренду сада у границы и на слѣдующій годъ.

— А на что же вамъ этотъ садъ? Я велю вырубить весь кустарникъ...

— Г. майоръ, вы опять подозрѣваете меня. Развѣ я воръ, мошенникъ... Развѣ кто-нибудь видѣлъ, чтобы я скрывалъ что-нибудь въ этихъ кустахъ?

— Ну, это еще увидимъ когда-нибудь.

— Не говорите, г. майоръ, такихъ вещей... Слушать нельзя. У васъ ничего нѣтъ въ Щурову,—я ѣду туда.

— Ничего.

— Ну, я привезу для барыни кофе.

Таборъ вышелъ.

Лишь только онъ прошелъ границу, въ шагахъ двухстахъ отъ нея онъ увидѣлъ лежавшаго на травѣ Постулку. Постулка—это былъ извѣстный въ цѣломъ Пжесмыкѣ и его окрестностяхъ мужикъ. Самый ловкій изъ всѣхъ контрабандистовъ, онъ гордился тѣмъ, что ни разу еще въ жизни не разговаривалъ съ пограничною стражею, не имѣя при себѣ какой-нибудь контрабанды. Постулкѣ не было еще пятидесяти лѣтъ, а между тѣмъ лице его густо было покрыто морщинами. Подъ высокимъ, загорѣлымъ лбомъ у него блестѣли быстрые и подвижные глаза, зрачки которыхъ безпрестанно измѣняли свою величину. Увидѣвъ Табора, Постулка поднялъ голову, съ которой упала австрійская солдатская фуражка и, зѣвнувъ вслухъ, обратился къ Табору съ вопросомъ:

— Но что-жъ, фертигъ?

— Даже и не завтра, послѣдовалъ отвѣтъ.

— Какъ?

— Никто не хочетъ. Косъ говоритъ, что ему некогда, Кудрявый боится, потому что за нимъ зорко слѣдятъ.

— Да чтобъ ихъ чортъ взялъ! Не дожидаться-ли, когда имъ позволятъ, что-ли?

— Я имъ тоже говорилъ.

— Ну, пусть хоть одинъ въ лѣсу ждетъ съ возомъ, а то вѣдь вся деревня узнаетъ объ этомъ полотнѣ. Долго лежать не можетъ.

— Ого! воскликнулъ Таборъ, заслоняя глаза рукою,—капитанъ на границѣ.

Постулка привсталъ, посмотрѣлъ въ сторону показавшагося на границѣ всадника и рѣшительно замѣтилъ:

— На вороломъ—это Цапенко.

— Ахъ, невольно вздохнулъ Таборъ,—я бы отдалъ все это полотно, да вдвое больше прибавилъ бы еще, лишь бы убрали отсюда этого калмыка.

— Цапенко? Стоитъ-ли? Онъ не лучше и не хуже другихъ... А, разсмѣялся онъ послѣ минутнаго молчанія,—онъ вамъ запрещаетъ другого рода контрабанду.

— Вздоръ толкуешь. Онъ хочетъ меня погубить, сдѣлалъ на меня доносъ капитану и на тебя тоже.

— А что-жъ ему дѣлать-то больше? Впрочемъ онъ и самъ скоро уѣдетъ отсюда.

— Какъ такъ?

— Черезъ мѣсяцъ оканчивается срокъ службы его и онъ беретъ отставку.

— Постулка, ты навѣрно это знаешь?

— А развѣ это тайна—всѣ знаютъ.

— Слава Богу, слава Богу! Я ему дамъ еще на дорогу. Вотъ счастье; правду сказать, я не ожидалъ!

— А садъ что-же? Снятъ?

— Нѣтъ еще.

— Нужно заранѣе это сдѣлать; хорошо бы за одно снять и хижину, которая въ немъ. Тамъ можно будетъ поселить Коса... Какой тамъ погребъ — страсть! Видѣли?

— Нѣтъ.

— Хорошъ же вы, хорошъ! Но пойдемъ въ деревню, нужно такъ ухитриться, чтобы никто и не подозрѣвалъ о полотнѣ.

Постулка всталъ и вмѣстѣ съ Таборомъ отправился въ ближайшую австрійскую деревню, гдѣ хранилась контрабанда, которую они задумывали перевезти въ Пжесмыкъ. Кошачьи глаза Постулки не замѣтили, однако, что за ними издали зорко слѣдилъ Цапенко. Ефрейторъ долго смотрѣлъ вслѣдъ двумъ удалявшимся фигурамъ, а когда потерялъ ихъ изъ виду, воротился на границу и сказалъ стоящему на посту солдату:

— Этотъ выкрестъ задумываетъ что-то. Зорко слѣдить за нимъ и смотрѣть въ оба!

Послѣ этого Цапенко пришпорилъ лошадь и помчался вдоль пограничной черты... Вдругъ, какъ-будто замѣтивъ что-то, ефрейторъ, повернувъ лошадь, направился вдоль межи, раздѣлявшей обширное поле. По этой межѣ шелъ Бжостъ, пжесмыкскій помѣщикъ. Большого роста, широкоплечій, съ старательно выбритымъ большимъ лицомъ, надъ которымъ развѣвались сѣдые, длинные во-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ЗЕМЦОВА.

Цыгане. (А. Пушкина.)

Рѣзано на деревѣ въ «**Варшавской политипажнѣ**» въ С.-Петербургѣ.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

КАРТИНА ОБЛЕ.

Утреннее умыванiе новобранцевъ.

По фотографiи рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

лосы, Бжостъ, одѣтый въ халатъ, безъ шапки, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, шелъ, тихо оглядываясь по сторонамъ. Хотя сосѣди и смѣялись надъ его страннымъ туалетомъ и онъ прекрасно зналъ объ этомъ, но не измѣнялъ его никогда. Бжостъ большую часть дня проводилъ на своихъ поляхъ, вѣроятно, по привычкѣ жить среди необозримой степи, гдѣ онъ провелъ молодые годы. Продавъ большое имѣніе на Украйнѣ, Бжостъ переселился въ Пжесмыкъ, купивъ его; а такъ какъ старость слишкомъ рано и какъ то незамѣтно подкралась къ нему, да притомъ какія-то непріятныя воспоминанія охладили его къ супружеству, то Бжостъ порѣшилъ жить и умереть старымъ холостякомъ. Немного дикаго нрава, да притомъ грубый въ обхожденіи съ людьми, Бжостъ любилъ ефрейтора, въ которомъ видѣлъ своего земляка. Онъ все обѣщалъ — уже около десятка лѣтъ — дать ему письмо къ своему другу, живущему на Украйнѣ...

— А! сказалъ Бжостъ, увидѣвъ ефрейтора, который соскочилъ съ лошади и, снявъ фуражку, кланялся ему. — Зачѣмъ ты ко мнѣ?

— Вотъ завидѣлъ васъ и пришелъ къ вамъ съ просьбой.

— Съ какой же?

— Продайте мнѣ, баринъ, садъ, который арендуетъ теперь Таборъ.

— А тебѣ онъ на что? Черезъ два мѣсяца уѣдешь.

— Продадите баринъ — останусь.

— Какой чортъ выендѣлъ такую глупость въ твоемъ мозгу? Здѣсь хочешь оставаться, а родители на Украйнѣ.

— Можетъ и пріѣхали бы.

— Что ты, опомнись! Развѣ ты не тамъ воспитывался? Стариковъ зачѣмъ сюда возить?.. Эхъ, братъ, ты не влюбиться-ли вздумалъ, — а?

— Что сдѣлано, не воротишь.

— А которая это?

— Мотылинская.

— Эхъ, братъ, скажу тебѣ откровенно: ты съума спятилъ! Что-жъ, развѣ у себя дома ты не нашелъ бы красивѣе?

— Такъ что-жъ, коли эта нравится?

— И думаешь жениться?

— Непремѣнно. Она сказала, чтобъ я купилъ кусокъ земли, вотъ я и пришелъ къ вамъ.

— Не продамъ, не хочу тебя губить. Она обманщица.

— Не хулите, баринъ. Она вѣтренна, но успокоится.

— О, о, не на этомъ свѣтѣ. А деньги у тебя есть?

— Сто пятьдесятъ цѣлковыхъ собралъ.

— Не хватитъ.

— Призайму немного.

— Тогда и говори.

— А Табору, баринъ, не отдадите въ аренду?

— Подожду, приходи ко мнѣ завтра утромъ, — поговоримъ.

— Благодарю, баринъ, за вниманіе.

— Пока не за что. Прощай.

Когда же Цапенко, поклонившись, сѣлъ на лошадь, Бжостъ крикнулъ ему:

— Завтра, пораньше.

Было около десяти часовъ вечера, когда слуга сказалъ Бжосту, что пришелъ Таборъ и хочетъ съ нимъ видѣться.

— Скажи ему, что у меня день ужь кончился.

Пжесмыкскій помѣщикъ, дѣйствительно, вытерши все тѣло мокрыми полотенцами, лежалъ уже въ постели.

Узнавъ объ этомъ, Таборъ постоялъ на дворѣ, а потомъ тихонько подкрался къ окну того дома, гдѣ жили Мотылинскіе и посмотрѣлъ въ него. У стола сидѣлъ Цапенко и медленно выводилъ буквы на лежавшей передъ нимъ бумагѣ; Гортензія сидѣла тутъ же. Таборъ промычалъ какое-то слово и исчезъ въ кустахъ довольно большого садика. Намъ кажется, что въ данную минуту онъ готовъ былъ искренно благодарить ефрейтора за то, что онъ наслаждался звуками голоса деревенской красавицы, вмѣсто того, чтобы слѣдить за контрабандистами.

Цапенко писалъ письмо къ своимъ родителямъ, увѣдомляя ихъ о своемъ намѣреніи жениться на Гортензіи и навсегда остаться въ Пжесмыкѣ. А такъ какъ онъ ни за что на свѣтѣ не согласился бы написать такого важнаго документа безъ согласія своей возлюбленной, то порѣшилъ вмѣстѣ съ нею сочинить письмо къ родителямъ. Черновая была уже готова.

— Ну, теперь, сказалъ Цапенко, — я прочту вслухъ, а вы послушайте; можетъ быть захотите вставить еще словечко: «Предорогой родитель...»

— Фи! воскликнула барышня, — скажите на милость, кто пишетъ: «Предорогой» и еще «родитель». У насъ говорятъ: «дорогой папенька и дорогая маменька».

— Прекрасно, сказалъ Цапенко, исправляя заголовокъ письма, послѣ чего началъ читать: «Божьей милостью и при помощи моего ангела я избираю себѣ въ жены...»

— Не такъ, не такъ, прервала чтеніе письма Гортензія, — нужно написать: «мое сердце, удрученное любовью и пылающее...»

— Да, такъ гораздо красивѣе, согласился Цапенко и записалъ продиктованныя слова: «пылающее къ Гортензіи...»

— Это что такое? обидѣлась невѣста. — Развѣ можно такъ писать о порядочной барышнѣ! Что вы это вздумали? «Къ ея высокородію барышнѣ — только поставьте прописныя буквы В и Б — Гортензіи Мотылинской, дочери г. управляющаго имѣніемъ»...

Цапенко перенесъ съ восторгомъ эти слова на бумагу.

— «Она очень хороша собою, довольно высокаго роста, здоровье у нея отличное, только немного толста...»

— Тьфу! плюнула Гортензія, — вы пишете точно о дѣвкѣ какой-нибудь. Немного толста, немного толста... Кудельская, высохшая, точно щепка, можетъ быть, лучше меня? Ну, ужь извините, я предпочитаю оставаться «немного толстою», чѣмъ быть такой тонкою, чтобы можно было просунуть меня сквозь игольное ушко.

— Какъ же писать? спросилъ, стыдясь своей неловкости, Цапенко.

— Вотъ поучитесь у Табора, онъ умѣетъ выражаться какъ слѣдуетъ, посовѣтовала обиженная барышня. — Онъ мнѣ говоритъ: ангелъ, а вы ужь какъ хотите.

— «Настоящій ангелъ», торопился записать Цапенко. — «Хотя за ней даютъ немного...»

— Опять?! крикнула раздосадованная Гортензія. — Если я для васъ слишкомъ толста, а приданное слишкомъ тощее, такъ извольте поискать себѣ другую, которая...

— Но, дорогая барышня, ангелъ мой, голубка, умолялъ Цапенко, — я не хотѣлъ, не думалъ обижать васъ.

— Такъ зачѣмъ же вы такія глупости пишете?

— Напишу все, что вамъ будетъ угодно...

— Напишите, что у меня есть настоящее помѣщичье имѣніе, а гардеробъ такой, что его не постыдится и городская барышня. Вотъ смотрите!

Гортензія подошла къ шкафу и открыла его. Цапенко увидѣлъ цѣлый рядъ разноцвѣтныхъ платьевъ, платковъ и шубу на заячьемъ мѣху.

— Правда, правда, повторялъ изумленный Цапенко, зачеркивая двѣ строчки на бумагѣ. — «А потому цѣлую ваши колѣни, продолжалъ онъ, — и прошу васъ, дорогіе родители, не отказать намъ въ вашемъ родительскомъ благословеніи»...

— Прошу, прошу, передразнивала «ея высокородіе барышня Мотылинская». — Что же вы пашли меня на дорогѣ, что-ли? Какъ будто они мнѣ честь окажутъ! Что сынъ пчеловода, что дочь управляющаго — это вовсе не одно и то же. Пусть они просятъ моей руки у моего папаши и у моей мамаши — вотъ что слѣдуетъ написать. Я вамъ говорю... Охъ!

Гортензія крикнула, потому что раздался громкій выстрѣлъ. Цапенко, подозрѣвая какое-нибудь столкновеніе съ контрабандистами, выбѣжалъ на дворъ, вскочилъ на свою лошадь и поскакалъ въ сторону раздавшагося выстрѣла.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Основныя теоремы о капиталѣ *).

Есть множество экономическихъ истинъ, которыя вошли въ разговорную рѣчь, но тѣмъ не менѣе не всегда достаточно понимаются разговаривающими. Такъ, всякому извѣстно, что промышленность есть приложеніе къ дѣлу капитала и что никакое производство безъ капитала невозможно. Но вѣдь, въ сущности, не капиталъ прилагается къ производству, а трудъ; капиталъ же только одно изъ условій производства и самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакой производительной силы. Напримѣръ, пища работниковъ или матеріялы для производства получаютъ значеніе только въ томъ случаѣ, когда служатъ средствомъ для труда. Поэтому ясно, что никакая промышленность, никакое производство не могутъ быть больше того, на сколько работникъ снабженъ пищею и матеріялами. Пища для работника составляетъ всегда предъидущее накопленіе, онъ работаетъ не на счетъ той пищи, которая производится въ моментъ его труда, а на счетъ пищи, которая была произведена ранѣе. Слѣдовательно, очевидно, что работникъ можетъ произвести столько продуктовъ, на-сколько страна имѣетъ въ запасѣ пищи и того матеріяла, который составляетъ предметъ производства. Размѣромъ этого капитала страны опредѣлится и размѣръ ея производительной дѣятельности.

Изъ этого основного положенія вытекаетъ само собою, что нельзя создать никакой промышленности, не создавъ ранѣе капитала, который заключается въ пищѣ работника и въ матеріялахъ производства. Не смотря на простоту этой истины, она не всегда понималась достаточно, да не понимается еще и нынче. И потому, что эта истина не понималась, явилось ложное убѣжденіе, что разными искуственными средствами можно увеличивать народную производительность. Къ числу этихъ заблужденій принадлежала извѣстная запретительная система, послѣдніе остатки которой существуютъ еще и до сихъ поръ въ формѣ искуственнаго покровительства тѣмъ или другимъ производствамъ. Ошибка этого мнѣнія заключается въ томъ, что будто бы безъ увеличенія запасовъ пищи и матеріяловъ для производства можно увеличить число дѣлъ. Люди, разсуждающіе такимъ образомъ, думаютъ, что если запретить ввозъ извѣстныхъ продуктовъ и заставить капиталы обратиться на ихъ производство, то страна обогатится новою промышленностью и станетъ богаче. Предположите, что въ странѣ есть тысяча работниковъ, которые производятъ запасы пищи и ими создается 100,000 четвертей хлѣба. Предположите, что страна получала тонкія сукна и шелковыя матеріи изъ за-границы. Правительство страны, желая ввести у себя суконное и шелковое производство, запрещаетъ ихъ ввозъ. Что же случится отъ этого? А случится вотъ что: потребители тонкихъ суконъ и шелковыхъ матерій въ странѣ остались по прежнему и товаръ этотъ требуется, ибо никто изъ потребителей не соглашается ни отказаться отъ него, ни замѣнить его низшими издѣліями своей страны. Чтобы удовлетворить этой потребности,

*) См. № 44 Жив. Об.

придется часть рабочихъ отвлечь или отъ производства хлѣба, или отъ производства другихъ предметовъ настоятельной необходимости. Значитъ, производствомъ хлѣба будетъ занята уже не прежняя 1,000 рабочихъ; часть ихъ начнетъ изготовлять сукна и шелковыя матеріи, а остальные земледѣльцы — (предполагая, что сельскохозяйственныя знанія остаются на томъ же уровнѣ) — произведутъ уже не 100,000 четвертей хлѣба, а меньше. Если при этомъ меньшемъ количествѣ хлѣба промышленное существованіе страны будетъ стѣснено, то ясно, что развитіе новой промышленности окажется невозможнымъ или же для ея развитія потребуется усиленіе запасовъ пищи ввозомъ изъ другой страны; а если и это невозможно, то для новаго шелковаго или суконнаго производства потребуется отвлечь рабочихъ отъ другихъ производствъ. Во всякомъ случаѣ, совершится только иная комбинація въ распредѣленіи труда и рабочія руки отъ одного дѣла оттянутся къ другому. Для упрощенія примѣра мы предположили неподвижное состояніе. Разумѣется, правительство имѣетъ возможность нѣкоторыми косвенными средствами усилить народный капиталъ, развивая въ народѣ трудолюбіе, знанія, облегчая ему налоги и давая этимъ возможность дѣлать сбереженія, которыя употребятся имъ выгоднымъ образомъ. Но наша рѣчь не объ этомъ. Наша рѣчь о томъ, что многіе до сихъ поръ считаютъ запретительную и поощрительную систему способными увеличивать народный капиталъ, тогда какъ, въ сущности, всѣ подобныя искуственныя мѣры ведутъ лишь къ тому, что трудъ отвлекается отъ однѣхъ дѣлъ, привлекается къ другимъ, а между тѣмъ отъ этихъ новыхъ дѣлъ въ странѣ не прибавляется ни одного лишняго зерна и количество производительнаго труда остается прежнее.

Любопытно, что даже наиболѣе разсудительные экономическіе писатели и тѣ, разбирая этотъ вопросъ, не всегда понимали его ясно. Имъ казалось, что исключеніемъ изъ этого основнаго положенія можетъ служить тотъ случай, когда путемъ запретительной системы отвлекаются къ новому производству работники, занятые такъ называемыми домашними издѣліями. Они думаютъ, что такъ какъ этими издѣліями занимаются деревенскіе жители, работающіе семейнымъ образомъ въ промежуткѣ отъ сельскихъ занятій и которые имѣютъ уже запасы пищи, то для веденія новой промышленности будто бы не нужно переносить капитала. Но это совершенно невѣрно. Предположите, что въ странѣ существуетъ развитое кустарное производство, что свободный досугъ народа занятъ подобными издѣліями и сбытъ ихъ вполнѣ обезпеченъ. Если, вслѣдствіе протекціонной или запретительной системы, создается новое производство, на поддержаніе котораго пойдутъ существующіе запасы пищи, то у кустарей образуется досугъ. Для страны и ея благосостоянія совсѣмъ не все равно, какъ будетъ употребленъ этотъ досугъ. Прежде всего самое уменьшеніе кустарнаго производства является уже безвозвратной потерей, а затѣмъ вопросъ еще и въ томъ, что сдѣлаетъ народъ изъ своего досуга. Хорошо, если онъ употребитъ его на умственное развитіе или на такой отдыхъ, который поведетъ къ усиленію сельскохозяйственной производительности; но если этого не случится, то обществу грозитъ неминуемая потеря и прямой убытокъ для всей той массы населенія, которая занималась прежде кустарнымъ производствомъ, а теперь должна сидѣть, сложа руки. Вопросъ о семейной производительности гораздо болѣе важный вопросъ, чѣмъ это думаютъ тѣ, чье вниманіе обращено преимущественно на фабричное производство. Есть страны, въ которыхъ потребности народа въ одеждѣ и во всѣхъ предметахъ для домашняго быта удовлетворяются исключительно самимъ же населеніемъ, занятымъ семейными или кустарными производствами, и потому всякое отвлеченіе рукъ отъ этого рода занятій грозитъ сокращеніемъ производства предметовъ, служащихъ для удовлетворенія народныхъ надобностей. Конечно, если производство домашнихъ издѣлій прекращается отъ фабричнаго соперничества только по тому, что домашнее производство не окупаетъ труда, людямъ, занятымъ имъ, будетъ, можетъ, и выгоднѣе обратить свой трудъ на другое дѣло. Но даже и въ этомъ случаѣ сущность вопроса опять таки въ томъ—на что оставшійся безъ дѣла кустарь употребитъ свой досугъ и будутъ ли ему доставлены возможности сдѣлать какія-нибудь умственныя или другія пріобрѣтенія, чтобы сдѣлаться болѣе выгоднымъ производителемъ въ другомъ производствѣ.

Если производительность всякой страны ограничена размѣромъ имѣющагося въ ней капитала, то изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы при данномъ капиталѣ страна не могла производить больше. Предположите, что страна создаетъ такое количество пищи, которымъ можетъ содержаться гораздо большее число работниковъ, а, слѣдовательно, и можетъ быть произведено гораздо большее количество труда. Въ то же время въ этой странѣ есть масса неудовлетворенныхъ потребностей. Не все ея населеніе имѣетъ у себя достаточно теплую одежду, или хорошо устроенные дома, или достаточное количество школъ и т. д. Ясно, что существующая промышленность въ странѣ не доходитъ до того предѣла, который дозволяетъ ей ея же собственный капиталъ, или яснѣе, на имѣющійся капиталъ страна можетъ производить гораздо больше, чѣмъ она производитъ. Въ подобномъ положеніи бываютъ очень часто вновь заселяемыя страны, которыя терпятъ не отъ недостатка капитала, а отъ недостатка рабочихъ рукъ. Америка, находящаяся въ подобномъ положеніи, привлекаетъ къ себѣ колонистовъ изъ Европы, или даже рабочихъ изъ Китая, но, конечно, этотъ способъ уравновѣшенія капитала съ трудомъ не всегда и повсюду примѣнимъ. Гораздо чаще случаи, примѣръ котораго мы можемъ видѣть на нашей домашней производительности. Тотъ капиталъ, который мы создаемъ себѣ въ пищѣ на-столько великъ, что, не находя приложенія себѣ дома, уходитъ заграницу въ видѣ хлѣбнаго и другого сырья. На этотъ капиталъ могла бы содержаться масса работниковъ, которая бы создала соотвѣтствующую же массу новаго труда. Между тѣмъ мы видимъ, что русская промышленность не производитъ многаго множества предметовъ, которые производятъ для насъ работники другихъ странъ. На-сколько для насъ невыгоденъ обмѣнъ сырья на готовые продукты не трудно понять изъ того, что мы обмѣниваемъ огромное количество сырья менѣе цѣннаго, громоздкаго и требующаго большихъ перевозочныхъ и другихъ накладныхъ расходовъ на издѣлія, которыя уже по этимъ однимъ причинамъ представляютъ иностранцамъ всѣ выгоды обмѣна. Совершенно ясно, что капиталъ въ формѣ нашего сырья вмѣсто того, чтобы давать средства производства для содержанія нашихъ работниковъ, идетъ на содержаніе работниковъ иностранныхъ, которые употребляютъ его на переработку нашего же сырья и затѣмъ это сырье, совершивъ двойное путешествіе — въ необработанномъ и въ обработанномъ видѣ—снова возвращается къ намъ. Было-бы проще, если бы сырье, произведенное нашими работниками, шло бы не за-границу и образовало бы капиталъ для расширенія нашей промышленной дѣятельности и мы бы сами явились производителями новыхъ цѣнностей, а не превращали бы въ этихъ производителей иностранцевъ, убивая свое время на трудъ менѣе выгодный, или же и на совсѣмъ убыточную праздность. Причина такого невыгоднаго обмѣна труда на трудъ заключается именно въ томъ, что производительная сила нашего капитала поддерживаетъ трудъ недостаточно успѣшный вслѣдствіе недостатка знаній и отсутствія многихъ техническихъ усовершенствованій. При иномъ уровнѣ умственнаго развитія нашего работника и производителя и лучшемъ состояніи орудій производства, при большихъ знаніяхъ, при большемъ развитіи техническихъ усовершенствованій, капиталъ, обращающійся у насъ, давалъ бы, конечно, гораздо большее количество болѣе успѣшнаго и совершеннаго труда и, слѣдовательно, общій размѣръ производства и число создаваемыхъ этимъ капиталомъ цѣнностей было бы гораздо больше, чѣмъ оно въ настоящее время. Такимъ образомъ оказывается, что одинъ и тотъ же капиталъ при условіи болѣе высокаго умственнаго уровня одного и того же рабочаго можетъ устанавливать широкій и не широкій размѣръ производства и если справедливо, что размѣръ производства зависитъ отъ размѣра капитала, то ненужно при этомъ забывать, что одинъ и тотъ же капиталъ при разномъ уровнѣ умственныхъ средствъ и возможности для ихъ развитія можетъ обнаруживать неодинаковую производительную силу.

Хотя размѣръ капитала и ограничиваетъ размѣръ промышленности, но именно поэтому всякое увеличеніе капитала представляетъ новыя возможности для приложенія труда. Это значитъ, что если въ странѣ есть люди, способные работать, и имѣются достаточные запасы пищи, то для рабочихъ всегда найдется дѣло. Это теорема очень важная, ибо ею опровергается одно изъ экономическихъ заблужденій, которое можно услышать подчасъ и нынче. Какимъ образомъ могутъ корениться подобныя заблужденія, почему они не разсѣеваются, вопроса этого касаться мы не станемъ. Мы замѣтимъ только, что еще и теперь встрѣчаются люди, вполнѣ убѣжденные, что потребители блестящихъ предметовъ, находящихся въ магазинахъ Невскаго проспекта, способствуютъ обогащенію и что не будь этихъ потребителей, многое множество рабочихъ сидѣло бы безъ хлѣба и безъ работы. Однимъ словомъ, экономическіе философы этого сорта думаютъ, что предметы роскоши и потребители ихъ благодѣтели голодныхъ бѣдняковъ. Мнѣніе это уже давно опровергнуто, хотя и между экономическими писателями были защитники этого мнѣнія, какъ напримѣръ, Мальтусъ. Впрочемъ, въ защиту Мальтуса нужно замѣтить, что онъ защищалъ изготовленіе предметовъ роскоши, думая объяснить этимъ причины промышленныхъ кризисовъ Промышленные кризисы, какъ извѣстно, происходятъ оттого, что рынки заваливаются какимъ-нибудь предметомъ, ненаходящимъ потребителей, вслѣдствіе чего закрываются фабрики и рабочіе остаются безъ дѣла. Мальтусу казалось, что это происходитъ отъ недостатка заказовъ и что если къ этому присоединить еще и прекращеніе роскоши, то ясно насколько должно прибавиться число людей безъ дѣла. Сущность этого вопроса гораздо проще.

Для объясненія этого явленія Стюартъ Милль приводитъ на-столько хорошій примѣръ, что, не пытаясь подыскивать другого, мы воспользуемся этимъ уже готовымъ примѣромъ. Стюартъ Милль проситъ вообразить крайній случай, какой только можно представить, а именно, что каждый капиталистъ дошелъ до утопическаго убѣжденія, что онъ не имѣетъ больше заслугъ, чѣмъ хорошій работникъ, а потому и не имѣетъ права жить лучше работника. Сообразно такому внушенію совѣсти, капиталисты начинаютъ жить очень скромно и сберегаютъ весь излишекъ своей прибыли. Капиталъ образуется, конечно, громадный и, конечно, возникнетъ вопросъ, на какое про-

изводство обратить его и кто станетъ покупать товары, имъ созданные. Защитникамъ роскоши и предметовъ на убыточное потребленіе, конечно, покажется, что громадная масса предметовъ, произведенная на вновь образовавшіеся излишки, будетъ лежать въ кладовыхъ и гнить по недостатку потребителей. Нѣчто подобное представлялось и Сисмонди, который думалъ, что излишнее развитіе фабричнаго производства завалитъ рынки на-столько, что не явится, наконецъ, потребителей и въ концѣ концевъ рабочій останется безъ всякаго дѣла. Но Сисмонди хотѣлъ доказать этимъ не полезность производства предметовъ роскоши, а высказывалъ свой страхъ передъ излишнимъ развитіемъ фабричнаго производства. Въ дѣйствительности ничего этого не случится и случиться не можетъ, а совершится лишь иная комбинація въ распредѣленіи потребленія. Если капиталисты захотятъ жить такою же скромною жизнью, какою живутъ рабочіе, они этимъ нисколько не уничтожатъ существующую въ человѣчествѣ силу потребленія. Люди — всѣ люди, бѣднякъ не пользуется хорошими вещами, которыми пользуется богачъ не потому, чтобы онъ не съумѣлъ сидѣть на мягкомъ диванѣ и ѣсть филипповскіе калачи, а только потому, что у него нѣтъ дивана и не на что купить калача. Поэтому, если бы всѣ капиталисты — я говорю объ нихъ въ экономическомъ смыслѣ, — отказались бы отъ множества тѣхъ предметовъ, которыми не пользуются обитатели избъ, то случилось бы то, что потребности богатыхъ домовъ перешли бы въ избы. Освободившіеся капиталы дали бы занятіе новому числу рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и создали бы для нихъ возможность болѣе разнообразнаго и широкаго потребленія. Вообще относительно работниковъ можетъ встрѣтиться два случая: или число ихъ увеличивается пропорціонально увеличенію капитала, или не увеличивается. Если оно увеличивается, то часть капитала, освободившагося у капиталистовъ, вмѣсто того, чтобы идти на производство предметовъ роскоши, пойдетъ на производство предметовъ для рабочихъ и доставитъ ровно такое же количество занятій, какое было и прежде, когда производились предметы роскоши. Если же населеніе будетъ находиться въ неподвижномъ состояніи, то сокращеніе въ потребленіи капиталистовъ перейдетъ къ рабочимъ въ видѣ увеличенной платы. А это значитъ, что рабочій увеличенную ему рабочую плату употребитъ на улучшеніе своей жизни. Улучшеніе же жизни будетъ заключаться въ томъ, что рабочій пожелаетъ имѣть предметы, которыхъ онъ прежде не имѣлъ. Предметы эти могутъ даже имѣть характеръ роскоши, для производства которыхъ, конечно, потребуются новыя руки и совершится такое явленіе: пред-

ДРАМЫ ВЪ ВОЗДУХѢ.

...Принцъ нашелъ въ волнахъ смерть храбрыхъ.

меты роскоши, которые распредѣлялись прежде между немногими, станутъ рапредѣляться теперь между многими или между всѣми. Слѣдовательно, очевидно, что увеличеніе сбереженій и даже безпредѣльное увеличеніе капитала ужь никакъ не приведетъ къ тому, что обнаружится недостатокъ въ потребителяхъ, какъ это думають защитники роскоши, или что безъ изготовленія предметовъ роскоши рабочій останется безъ дѣла; напротивъ, всякое увеличеніе капитала даетъ труду новую пищу, создаетъ новое занятіе, увеличиваетъ вознагражденіе, а слѣдовательно, обогащаетъ и рабочаго. А это совсѣмъ не то, что думаютъ защитники производства предметовъ роскоши, ибо по ихъ теоріи многообразно удовлетворенныя потребности составляютъ принадлежность немногихъ, а занятіе, доставляемое рабочему, дается ему какъ будто бы милостыня. Читатель, конечно, видитъ теперь, что аксіома, нами изложенная, указываетъ на нѣсколько иной экономическій законъ.

Есть еще одна теорема о капиталѣ, которую тоже слѣдуетъ выяснить нѣсколько подробнѣе, чтобы читателю не являлось никакихъ сомнѣній относительно роли капитала. Капиталъ, какъ мы уже говорили, образуется изъ сбереженій. Если бы каждый тратилъ все то, что онъ получаетъ, то никакой капиталъ въ странѣ образоваться бы не могъ. Въ то же время всякій производитель, если онъ будетъ расходовать на себя все то, что добываетъ, не будетъ становиться бѣднѣе, но за то у него и не будетъ возможности для увеличенія результатовъ своего труда. Если бы земледѣлецъ все, что даетъ ему его сельское хозяйство, употреблялъ бы на собственный прожитокъ, конечно, онъ производилъ бы изъ года въ годъ одно количество продуктовъ. Чтобы получить больше, онъ долженъ часть ихъ отложить, чтобы имѣть возможность нанять другихъ рабочихъ; онъ долженъ отложить и сѣмена для посѣва. Такимъ образомъ, капиталъ, которымъ будетъ располагать земледѣлецъ для своего дальнѣйшаго производства и для его поддержанія, есть результатъ сбереженія.

Какъ образовались капиталы исторически, — путемъ-ли завладѣнія, завоеванія, насилія, дурныхъ учрежденій, или тѣмъ, что хозяева подвергали себя добровольнымъ лишеніямъ, или путемъ эксплуатація труда рабовъ и крѣпостныхъ, — говорить мы не станемъ, потому что это нисколько не помогло бы читателю въ усвоеніи основного понятія о капиталѣ, а вотъ чего мы не оставимъ безъ объясненія. Мы употребляли слово «сбереженіе», имѣющее несовсѣмъ точный смыслъ. Чтобы образовался капиталъ, конечно, необходимо сбереженіе и усиленіе его, по мѣрѣ увеличенія накопленія. Сбереженіе, большею частью, предполагаетъ лишеніе и другого смысла это слово въ обыденномъ употребленіи не имѣетъ. Чтобы явилось сбереженіе, непремѣнно нужно отказать себѣ въ чемъ-нибудь. Поэтому, представленіе о сбереженіи заключаетъ въ себѣ понятіе о чемъ-то недобровольномъ, вынужденномъ, а тѣ, кто такъ понимаютъ это слово, конечно, думаютъ такимъ образомъ на основаніи того, что они видятъ въ жизни ежедневно. Но лишеніе, т. е. когда человѣкъ ограничиваетъ себя въ своихъ насущныхъ потребностяхъ, если и ведетъ къ сбереженію, то это не есть сбереженіе въ экономическомъ смыслѣ. Истинное сбереженіе заключается въ томъ, когда люди потребляютъ меньше, чѣмъ производятъ, а не тогда, когда они отказываютъ себѣ въ необходимомъ и урѣзываютъ свое потребленіе. Конечно, капиталъ можетъ увеличиваться и послѣднимъ способомъ, но подобный стоицизмъ не можетъ быть, во-первыхъ, достояніемъ всѣхъ, а во-вторыхъ, онъ едва-ли способствуетъ увеличенію всеобщаго благосостоянія. Для выясненія этой мысли мы возьмемъ крайній случай. Предположите земледѣльца, который, чтобы продолжать свой посѣвъ на слѣдующій годъ, долженъ сберечь сѣмена для посѣва, т. е. составить сбереженіе такой существенно необходимой части капитала въ первообразной его формѣ, безъ какой оказалось бы невозможнымъ существованіе земледѣльца на слѣдующій годъ. Это сбереженіе дѣлается имъ на счетъ цѣлой массы другихъ лишеній и подобная форма скопленія капитала является уже явленіемъ не экономическимъ, а чисто соціальнымъ. Сбереженіе, составляющееся изъ лишеній, есть вынужденное накопленіе изъ минусовъ, которое держитъ земледѣльца въ неподвижномъ состояніи и не даетъ ему возможности подняться выше уровня постоянной нужды. Предположите, что въ подобномъ положеніи находится цѣлая страна. Это будетъ страна жалкихъ бѣдняковъ, капиталъ которой никогда не возрастетъ до степени силы, создающей производство предметовъ для удовлетворенія прогрессивныхъ потребностей. Конечно, подобныя сбереженія, вынужденныя крайней борьбой за существованіе, образуютъ капиталъ, но этотъ капиталъ не есть результатъ добровольнаго дѣйствія и пока страна или народъ находится въ положеніи подобной вынужденности, они находятся внѣ того предѣла, за которымъ начинается растущее народное благосостояніе. Истинно соціальная форма капитала начинается съ того момента, когда человѣкъ удовлетворилъ всѣмъ своимъ главнымъ потребностямъ и начинается сбереженіе отъ избытка. Капиталъ такого происхожденія имѣетъ уже тенденцію къ такому производству, въ концѣ котораго стоитъ уже изготовленіе предметовъ, имѣющихъ характеръ роскоши и удовлетворенія умственныхъ надобностей. Такъ какъ подобная форма капитала отвѣчаетъ современнымъ соціально-экономическимъ стремленіямъ европейскаго общества, то въ практику европейскихъ народовъ введенъ новый податной принципъ, вовсе незнакомый народамъ азіятскимъ. Податная справедливость западной Европы заключается въ томъ, что изъ доходовъ каждаго плательщика оставляется въ пользу его та часть, которая необходима на удовлетвореніе всѣхъ его текущихъ насущныхъ надобностей. Затѣмъ только свободная часть облагается налогомъ и, слѣдовательно, она уже можетъ служить основаніемъ для тѣхъ добровольныхъ сбереженій, которыя образуютъ прогрессирующій капиталъ. Если бы Европа практиковала иной принципъ и брала бы отъ работника на государственныя надобности все, не соображаясь съ его потребностями, какъ человѣка, не былъ бы возможенъ никакой экономическій прогрессъ и Европа находилась бы въ состояніи неподвижной бѣдности.

Драмы въ воздухѣ.

В. Фонвіеля.

(*Продолженіе.*)

III.

Океанъ.

Пока устройство воздушныхъ шаровъ не измѣнится къ лучшему, океанъ останется самымъ неумолимымъ врагомъ воздухоплавателя. Какъ ужасна мысль парить одному въ воздухѣ, безъ надежды на помощь, вдали отъ всѣхъ, между двумя безднами, одинаково неумолимыми, одинаково неизвѣданными!

Въ соединеніи съ необъятнымъ пространствомъ воздуха океанъ представляетъ воображенію всѣ ужасы, безконечно превосходящіе мученія пассажировъ плота съ корабля «Медуза». Видимыя вблизи волны кажутся менѣе опасными; ихъ можно ощущать, такъ сказать, бороться съ ними. Эта борьба съ волной, ревущей, прыгающей, обдающей васъ пѣной, имѣетъ въ себѣ особаго рода ѣдкую прелесть. Но издали онѣ какъ будто поютъ похоронную мелодію. Отъ нихъ несется глухой, могущественный голосъ, который леденитъ самое мужественное сердце.

Тѣмъ не менѣе что-то необъяснимое влечетъ воздухоплавателей къ этому страшному полю битвы. Можно сказать, что ни одинъ изъ нихъ, составившій себѣ имя, не избѣжалъ этого опыта.

Списокъ тѣхъ, которые погибли жестокою смертью въ океанской пучинѣ, былъ бы ужасающей длины. Онъ начался бы Арбаномъ, однимъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ французскихъ воздухоплавателей, который, за нѣсколько мѣсяцевъ до катастрофы съ нимъ, носился безнаказанно въ своей лодочкѣ надъ самыми высокими вершинами Альповъ. Если Дурyова съ женой не постигла подобная же участь, то только потому, что чудомъ смѣлости онъ спустился въ море въ виду рыбачьей лодки.

Въ этотъ же списокъ внесены двое изъ нашихъ товарищей во время осады. Одинъ изъ нихъ, пѣхотинецъ Лаказесъ, поднявшійся на шарѣ «Ричардъ-Валласъ», пущенномъ изъ Парижа 27 января 1871 г. Порученіе, данное Лаказесу, было столько же печально, сколько спѣшно. Надо было сообщить бордоскому отдѣлу правительства народной обороны грустную новость, что Парижъ, побѣжденный голодомъ, рѣшается, наконецъ, сдаться. Парижское правительство просило, чтобы со всевозможной быстротой въ Парижъ были направлены поѣзда съ провизіей, такъ какъ замедленіе могло повлечь за собою серьезныя бѣдствія, тѣмъ болѣе, что приходилось проѣзжать по перерваннымъ, испорченнымъ путямъ.

Довольно сильный вѣтеръ дулъ въ благопріятномъ направленіи. Лаказесу было приказано приблизиться возможно ближе къ Бордо. Несчастный солдатъ принялъ слишкомъ къ сердцу приказаніе болѣе неосторожное, чѣмъ полезное. Электричество успѣло опередить шаръ и печальная новость была извѣстна уже всей Франціи прежде, чѣмъ «Ричаръ-Валласъ» покинулъ станцію Сѣверной желѣзной дороги.

Шаръ былъ пущенъ въ три съ половиной часа утра, въ глухую ночь, за два часа до разсвѣта.

Какъ только Лаказесъ увидѣлъ занимающуюся зарю, онъ сталъ опускаться и счастливо достигъ земли на полѣ, гдѣ находилось нѣсколько крестьянъ. Но узнавъ, что онъ достигъ только департамента Шаренты, онъ порѣшилъ, что находится слишкомъ далеко отъ цѣли своего путешествія и потому долженъ снова подняться.

Выбросивъ мѣшокъ баласту, онъ исчезъ изъ виду и болѣе уже не показывался. Его шаръ видѣли въ послѣдній разъ между Аркашономъ и Ларошелью. Не смотря на самые тщательные розыски, отъ этого шара не было найдено никакого обломка. Океанъ поглотилъ воздухоплавателя и депеши, которыя онъ везъ на своемъ шарѣ.

Судьба матроса Принца не окружена такой таинственностію, но порученныя ему депеши были подняты при обстоятельствахъ, заслуживающихъ особеннаго удивленія. 25 ноября 1870 года намъ показалось, что осада Парижа принимаетъ другой оборотъ. И дѣйствительно, генералу Трошю удалось собрать армію, съ которою онъ намѣревался сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы измѣнить ходъ войны. Необходимо было, во чтобы то ни стало, предупредить турскій отдѣлъ правительства народной обороны, чтобы, не теряя ни минуты, луарская армія направилась къ Парижу. Пушечные выстрѣлы со стороны Фонтенебло должны были показать осажденнымъ, что предположенный планъ приведенъ въ исполненіе.

Въ полночь со станціи Сѣверной желѣзной дороги былъ пущенъ воздушный шаръ «Городъ Орлеанъ», самое имя шара показывало назначеніе депешъ. На этомъ шарѣ отправились два

импровизированные воздухоплавателя, которые, не зная какъ опуститься на землю, позволили вѣтру увлечь себя въ ледники Норвегіи.

Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что главный штабъ, безпокоясь объ участи экспедиціи, на другой день пустилъ новый воздушный шаръ—«Жакаръ». Пасажиръ, который долженъ былъ сопровождать воздухоплавателя, испугался и не явился въ назначенное время. Матросъ Принцъ отправился одинъ. Была темная, безлунная ночь. Заволоченное тяжелыми тучами небо поглотило шаръ, какъ волны поглощаютъ корабельные обломки. У всѣхъ присутствующихъ пробѣжала по тѣлу дрожь ужаса. На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, рыбаки на берегахъ Картнета,—графства, находящагося на сѣверѣ Шотландіи,—увидѣли державшійся въ воздушномъ пространствѣ шаръ. Это былъ «Жакаръ», гонимый бурей къ Ледовитому океану. Матросъ Принцъ видѣлъ опасность, но надежда не покидала его: онъ замѣтилъ мысъ, гдѣ его шаръ легко могъ бы опуститься на землю.

Съ земли можно было замѣтить, какъ Принцъ готовился, опустилъ канатъ, приготовилъ якорь и уцѣпился за веревку клапана. Но неумолимый вѣтеръ продолжалъ дуть съ неистовой яростію. Земля быстро исчезла подъ его ногами; Принцъ видѣлъ, что лодка не можетъ опуститься на землю. Тогда отчаяніе подсказало ему высокую идею, достойную римлянина, бросившагося въ пропасть. Лихорадочною, хотя твердою рукою онъ обрѣзалъ веревки, придерживающія мѣшокъ съ депешами, и мѣшокъ съ быстротою молніи упалъ на землю и былъ поднятъ рыболовами.

Шаръ сдѣлалъ страшный скачекъ и исчезъ въ области, гдѣ кровь выступаетъ изъ поръ воздухоплавателя. Принцъ упалъ безъ чувствъ и, по всей вѣроятности, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ придти въ себя и открыть глаза, онъ нашелъ въ волнахъ смерть храбрыхъ.

Его самопожертвованіе оказалось безполезнымъ для отечества, такъ какъ задержанныя депеши пришли слишкомъ поздно.

Пруссаки были атакованы, но, усиленные прибытіемъ арміи изъ подъ Мэца, силы ихъ были настолько велики, что они могли совершенно уничтожить луарскую армію.

Двѣ француженки, укрывавшіяся въ сосѣднемъ замкѣ, видѣли «Жакара», несущагося по небу. Одна изъ нихъ была дѣвица Монгольфіеръ, дочь изобрѣтателя воздушнаго шара.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Золото и имя.

(Романъ г-жи **Шварцъ**.)

(*Продолженіе.*)

XII.

Прошелъ годъ. Лондонскій сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Эдвинъ Кастертонъ жилъ въ своемъ домѣ; онъ только что вернулся изъ нижней палаты; онъ очень усталъ. Видъ его серьезенъ, почти строгъ, на лбу отпечатокъ тяжелыхъ, напряженныхъ мыслей, въ глазахъ отражается горе. Выраженіе глубокой серьезности, непоколебимой твердости и мрачной гордости, отражавшіеся на его лицѣ и показывавшіе, что онъ знакомъ съ горестями жизни, болѣе соотвѣтствовали чертамъ его лица, чѣмъ прежнее легкомысленное выраженіе. Занимавшія его мысли были не особенно пріятны, судя по сильному нетерпѣнію, съ которымъ онъ проводилъ рукою по лбу, сдувая пепелъ сигары.

— Здравствуй, Кастертонъ, сказалъ сэръ Сидней, входя.—Ты до сихъ поръ мраченъ, все еще находишься подъ впечатлѣніемъ жаркихъ преній въ парламентѣ. Тебѣ, напротивъ, надо радоваться: вопросъ рѣшенъ въ вашу пользу; ты и твоя партія вполнѣ выиграли.

— Побѣдилъ голосъ націи, а не мы, отвѣчалъ Кастертонъ; — впрочемъ, теперь я былъ занятъ другимъ предметомъ.

— Какимъ же? спросилъ Сидней.

— Безуспѣшностью моихъ стараній увидѣть леди Кастертонъ. Мнѣ представляется, что я цѣлый годъ охотился за тѣнью. Леди Кастертонъ въ Парижѣ; всѣ говорятъ объ ея великолѣпныхъ вечерахъ; она сіяетъ въ большомъ свѣтѣ, она въ модѣ, на нее чуть не молятся. Я спѣшу туда, какъ только доходятъ до меня эти слухи; пріѣзжаю и получаю въ отвѣтъ: «леди уѣхала, а куда—неизвѣстно». Ворочаюсь въ Англію, углубляюсь въ политику; пріѣзжаю домой изъ палаты, подаютъ заграничныя газеты, и что же я читаю? Ну, леди Кастертонъ играетъ туже роль въ Вѣнѣ; я лечу туда сломя голову и опять узнаю, что она наканунѣ уѣхала куда-то на востокъ. Газеты молчатъ нѣкоторое время; внезапно я узнаю, что она служитъ предметомъ всеобщаго вниманія въ Римѣ. Путешествую безъ отдыха, днемъ и ночью, трачу безумныя деньги, чтобы только поспѣть во время,—и что же? Пріѣхавъ, узнаю, что ея уже нѣтъ тамъ. Надняхъ меня поздравляютъ въ нижней палатѣ съ пріѣздомъ въ Лондонъ моей любезной супруги, о которой такъ много говорили; я принимаю поздравленія, не зная, что отвѣтить; спѣшу домой; посылаю справиться о леди Кастертонъ. Мнѣ отвѣчаютъ, что вещи и прислуга пріѣхали, самой же леди еще нѣтъ. Три дня я ждалъ напрасно, думая, что она явится туда, гдѣ ее всѣ ожидаютъ; сегодня мнѣ показалось, что она проѣхала мимо меня, когда я садился въ экипажъ. Какъ кажется, эта женщина намѣрена сдѣлать изъ меня дурака, рѣшившись заставить меня искать ее по всему свѣту.

— Зачѣмъ ты ищешь ее? спросилъ Сидней.—Ты несчетное число разъ увѣрялъ, что терпѣть ее не можешь. Ну, такъ оставь ее въ покоѣ и не гоняйся за женщиной, одно имя которой волнуетъ твою кровь.

— Я искалъ потому, что поклялся увидать ее снова! стремительно вскочивъ, сказалъ Эдвинъ, принялся ходить по комнатѣ и продолжалъ:—Эта женщина создана, чтобы быть мнѣ живымъ проклятіемъ; она свидѣтельница тому, что я, Кастертонъ, продалъ свое имя за деньги; она живое униженіе моей гордости, язвительная насмѣшка моему самоуваженію, явное поруганіе мнѣ, какъ мужу. Я насытился этой игрой. Удастся же мнѣ когда-нибудь встрѣтиться съ нею; я покажу ей, что если до сихъ поръ имѣлъ глупость позволять играть собою, то теперь потребую, чтобы она жила со мной. Цѣлой жизни ея не хватитъ, чтобы заставить меня забыть тѣ адскія мученія, которыя я терпѣлъ впродолженіи этихъ мѣсяцевъ.

Сидней, не прерывая, слушалъ эти изліянія; послѣдовало продолжительное молчаніе.

— Ѣдешь ты сегодня на балъ къ шведскому посланнику? спросилъ Сидней, прерывая молчаніе.

— Нѣтъ; я обѣщалъ быть въ другомъ мѣстѣ.

— Кастертонъ, не ѣзди, куда обѣщалъ, сказалъ Сидней, — эти посѣщенія унижаютъ тебя, бросая тѣнь на характеръ и обычаи знаменитаго талантливаго члена парламента! Ты, такъ ревностно защищающій свободу и всѣ нравственныя и моральныя улучшенія, предаешься самъ унизительной любовной связи и даешь право составлять о тебѣ далеко не лестное мнѣніе.

— Лембурнъ, окажи мнѣ дружбу, не затрогивай этого вопроса. Всѣ мы болѣе или менѣе рабы своихъ страстей, хотя не всѣ такъ неосторожны, чтобы дать замѣтить это другимъ. Я грѣшу, не скрываясь отъ свѣта, потому и кричатъ обо мнѣ; другой тайно дѣйствуетъ гораздо хуже меня,—свѣтъ молчитъ. Повѣрь, никто изъ насъ ничѣмъ не можетъ попрекнуть другъ друга.

— Возможно; но все-таки мы должны имѣть настолько силы воли, чтобы управлять собою; для чего у насъ разумъ, если не для того, чтобы обуздывать наши побужденія и, благоразуміемъ нашихъ привычекъ, обычаевъ и желаній, возвышаться надъ животными.

— Громкія, красивыя слова, на практикѣ, однакожь, почти не имѣющія значенія, прервалъ его Эдвинъ, горько улыбаясь.—Ты самъ, Сидней, славящійся искуствомъ управлять чувствами по требованію разсудка, всегда-ли достигаешь своей цѣли. Могъ-ли ты заставить себя не любить ту, которую любишь и до сихъ поръ. Повѣрь, что нашъ разсудокъ, подчиняясь нашимъ чувствамъ, всегда найдетъ себѣ оправданіе въ этомъ подчиненіи. Поэтому нѣтъ основанія такъ гордо провозглашать о нашемъ умственномъ превосходствѣ, оно не болѣе, какъ фейерверкъ, которымъ мы ослѣпляемъ и дурачимъ себѣ подобныхъ. Мы сильны на словахъ и въ предписаніяхъ правилъ другимъ; въ своихъ же дѣйствіяхъ остаемся глупцами. Ты, напримѣръ, строго осуждаешь мое расположеніе къ дѣвицѣ Стангенскіольдъ, желалъ бы я знать, мой другъ, такъ ли же ты строгъ къ самому себѣ?

— Полагаю, что не слабъ.

— Все-таки, любезный Лембурнъ, будь я въ состояніи читать въ твоей душѣ, я непремѣнно открылъ бы тѣ слабости, которыя ты такъ строго осуждаешь во мнѣ... Однако, не стоитъ говорить объ этомъ! Не мѣшай мнѣ идти своимъ путемъ, я тебѣ мѣшать тоже не буду; ты посѣтишь балъ, я проведу вечеръ у Марты, подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ ея красоты и остроумія...

— И будешь вдыхать въ себя нравственный ядъ, прервалъ его Сидней.—Между нами, Кастертонъ, уже дошло до того, что мы не можемъ говорить безъ колкостей; ты, кажется, уже не вѣришь моей дружбѣ. Будущность покажетъ, кто правъ: я или твоя сирена; сомнѣвайся въ разумѣ и человѣческомъ достоинствѣ, вѣрь ей одной, увидишь, къ чему приведетъ тебя эта вѣра. Прощай до завтра! Я ѣду на балъ къ посланнику, ты же поѣзжай къ ней и отравляй твою жизнь.

Сидней протянулъ руку Кастертону и удалился.

«Да, онъ правъ, подумалъ Эдвинъ, эта женщина отравляетъ мнѣ жизнь».

Портьера зашевелилась, тихо открылась и показалась дама.

— М-съ Бровъ! вскричалъ Эдвинъ, вскакивая и спѣша къ ней на встрѣчу.—Наконецъ-то!

XIII.

На блестящемъ балу у шведскаго посланника особенное вниманіе обращала на себя молодая и прелестная женщина, въ первый разъ появившаяся въ лондонскомъ свѣтѣ, хотя ея появленію предшествовали различные слухи. Было извѣстно, что гдѣ-бы она ни показалась, во всѣхъ главныхъ городахъ Европы, она тотчасъ же привлекала на себя всеобщее вниманіе.

Эта женщина была леди Кастертонъ. На ея прелестномъ лицѣ трудно было замѣтить слѣды перенесенныхъ ею страданій; смотря на нее теперь каждый подумалъ бы, что ея жизнь окружена розами, такъ беззаботна и цвѣтуща казалась наружность молодой женщины.

Повидимому, она вполнѣ наслаждалась своимъ настоящимъ положеніемъ. Она пріѣхала на балъ къ посланнику въ сопровожденіи извѣстной уже намъ дѣвицы Армиды, которая, по слухамъ, была искреннимъ другомъ и повѣренной леди. Эти же слухи сообщали, что дружба между миссъ Армидою и леди Кастертонъ была причиною разрыва между лордомъ и его женою.

Второй вальсъ, послѣ котораго Эльвира удалилась въ небольшую гостинную, только-что окончился, когда къ ней подошелъ Сидней.

— Прошелъ годъ со времени нашего послѣдняго свиданія, сказалъ Сидней, обмѣнявшись съ

Эльвирою обычными привѣтствіями; — думалъ-ли я, разлучаясь съ вами, что мнѣ придется встрѣтиться съ вами на балу.

— Почему же это васъ удивляетъ? спросила, улыбаясь, Эльвира. — Мнѣ кажется, встрѣча на балу самая обыкновенная изъ встрѣчъ. Не могли же вы, добрѣйшій сэръ Сидней, расчитывать, что въ двадцать лѣтъ я откажусь отъ всѣхъ удовольствій.

— Вы правы, но мнѣ всегда казалось, что если вы когда-нибудь рѣшитесь посѣщать балы, то не иначе какъ съ мужемъ...

— Сэръ, прервала его Эльвира, — не говорите, пожалуста, такимъ торжественнымъ тономъ; на всемъ окружающемъ насъ лежитъ печать радости и веселья, а вы хмуритесь. Сегодня я хочу веселиться, а вы намѣреваетесь меня разстроить.

— Вамъ значитъ непріятно, когда съ вами говорятъ о вашемъ мужѣ.

— Я отвѣчу вамъ другимъ вопросомъ если бы кто-нибудь подошелъ къ вамъ во время упоительнаго вальса и преподнесъ вамъ цитату изъ латинскихъ классиковъ — понравилось бы это вамъ?

— Пожалуй, что и нѣтъ; для разговора о латинскихъ классикахъ лучше найти другое время и мѣсто.

— Вы сами отвѣтили на свой вопросъ.

— Благодарю, миледи, этими словами вы доказали, что остались прежнимъ искреннимъ человѣкомъ.

— Развѣ вы сомнѣвались въ этомъ? спросила Эльвира.

— Признаюсь, сомнѣвался.

— Ахъ, сэръ, я право думала, что вы тверже въ своихъ убѣжденіяхъ. Но заиграла музыка; идетъ мой кавалеръ; я должна покинуть васъ. Жизнь похожа на балъ, который кажется не тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности.

И Эльвира ушла со своимъ кавалеромъ.

Сидней не замѣтилъ, что во все время разговора его съ Эльвирою, Армида была тутъ же и слѣдила за ними. Оставшись съ нимъ одна, Армида продолжала слѣдить за нимъ пытливымъ взглядомъ; она съ удовольствіемъ прочитала бы всѣ его сокровенныя мысли. Но не долго пришлось ей изучать его; появленіе новаго лица прервало ея наблюденія.

— Здѣсь она сегодня?

— Эдвинъ! вскричалъ Сидней.

— Видалъ ты леди Кастертонъ? нетерпѣливо прервалъ его лордъ.

— Я только-что говорилъ съ нею; теперь она танцуетъ, отвѣчалъ Сидней.

Армида тихо удалилась.

Танцовали галопъ. Сидней и Эдвинъ помѣстились въ дверяхъ танцовальной залы и, казалось, равнодушно слѣдили за танцующими. Танецъ кончился; произошло обычное смятеніе и Эдвинъ потерялъ изъ виду Эльвиру; онъ пошелъ по другимъ комнатамъ и нигдѣ не нашелъ ея.

— Видѣлъ ты мою жену? спросилъ Эдвинъ, встрѣчая Сиднея.

— Нѣтъ, должно быть она уѣхала, отвѣчалъ Сидней.

Эдвинъ изчезъ въ свою очередь и всѣ стали шептаться, что онъ прибылъ съ цѣлью заставить леди Кастертонъ уѣхать ранѣе окончанія бала. Его обвиняли, что онъ всегда мѣшалъ своей женѣ веселиться; и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ, она исчезала тотчасъ же изъ города, какъ онъ пріѣзжалъ.

Возвратившійся домой, Эдвинъ спросилъ, пріѣхала-ли миледи? и получилъ въ отвѣтъ, что она не пріѣзжала.

На слѣдующее утро, камердинеръ подалъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

«Лордъ Кастертонъ! Вы не сдержали даннаго слова посѣтить меня вчера; вы предпочли ѣхать на балъ къ шведскому посланнику. Я разсердилась бы, если бы не питала къ вамъ дружбу, побуждающую меня объяснить вамъ, отчего исчезла ваша жена, сейчасъ же послѣ галопа. Она пріѣзжала на балъ съ цѣлію увидать кого-то, но только не васъ. Переговоривъ съ нимъ, она отправилась въ танцовальную залу, онъ же успѣлъ увѣдомить ее о вашемъ пріѣздѣ; — вотъ причина ея исчезновенія. Долго-ли вы намѣрены, позволять этой женщинѣ, подвергающей васъ всеобщей насмѣшкѣ, дѣлать изъ васъ дурака? Неужели вы не замѣтили, что она открыто, своимъ поведеніемъ, показываетъ, что, ненавидя васъ, желаетъ только носить ваше имя. Скажите мнѣ, какая сила приковываетъ васъ къ этой женщинѣ? Не любовь же? Если бы вы любили ее, то давно воспользовались бы правами мужа. Вы этого не дѣлаете! Вамъ извѣстно, что она любитъ или, вѣрнѣе, любила другого, и все переносите; почему? Я отказываюсь разгадать эту загадку; говоря правду, я устала изучать вашъ характеръ... Вы посвятили мнѣ свое вниманіе; нашла-ли на васъ минутная прихоть, была-ли это любовь, оскорбленное тщеславіе или... Я спрашиваю, но не требую отвѣта, не хочу даже доводить эту мысль до конца изъ боязни, что буду принуждена презирать васъ, которому удивлялась до сихъ поръ, считая за выдающагося человѣка. Будь мое сердце свободнымъ, оно непремѣнно принадлежало бы вамъ; теперь я благодарю Бога, что избавлена отъ страданія любить васъ. Но моя безкорыстная дружба побуждаетъ меня просить васъ о прекращеніи унизительной игры, которую ведетъ съ вами ваша жена. Можетъ быть вамъ удастся установить лучшія отношенія съ вашею женой, не забывайте, однакожь, что любовникъ жены всегда оказывается лучшимъ другомъ мужа. Завтра я ѣду въ итальянскую оперу; вы дали мнѣ слово быть тамъ же для того, чтобы послушать новую пѣвицу, которой я почему-то особенно симпатизирую. Не забудьте обѣщаннаго букета, для поднесенія ей. Прошу болѣе не посѣщать меня. Забудьте

Марту».

Эдвинъ нѣсколько разъ перечиталъ то мѣсто письма, гдѣ говорилось объ Эльвирѣ.

XIV.

Въ итальянской оперѣ должна была выступить новая пѣвица, г-жа М. Газеты расхвалили ея голосъ и разсказали нѣсколько фактовъ изъ ея жизни — вымышленныхъ или справедливыхъ — никто не зналъ, но только этими толками было сильно возбуждено всеобщее любопытство. Каждый желалъ попасть въ день ея перваго дебюта. Въ какой-нибудь часъ всѣ билеты были разобраны.

Лордъ Кастертонъ задумчиво сидѣлъ въ своей ложѣ. На стулѣ подлѣ него лежалъ прекрасный букетъ. Въ началѣ второго дѣйствія, въ ложу противъ него вошла Марта Стангенскіольдъ.

Пѣвица должна была выйти во второмъ дѣйствіи.

Черезъ нѣсколько минутъ, по пріѣздѣ Марты, въ ложу къ лорду вошла дама и сказала ему нѣсколько словъ на ухо. Видимо пораженный ея словами Кастертонъ быстро вышелъ и отправился за кулисы. Прозвонилъ колокольчикъ и изъ уборной вышла великолѣпно одѣтая молодая женщина; она была до того блѣдна, что щеки ея казались алебастровыми. Идя впередъ съ опущенными глазами она не замѣтила, что къ ней подошелъ мужчина.

— Леди Кастертонъ! сказалъ онъ.

Она вздрогнула, узнавъ своего мужа.

— Миледи, занавѣсъ подымаютъ, сказалъ режиссеръ. Кастертонъ точно тисками сжималъ руку Эльвиры.

— Потрудитесь извѣстить публику, что миледи внезапно заболѣла и не можетъ пѣть, сказалъ онъ, повернувшись къ режисеру.

— Милордъ, это...

— Такъ нужно! вскричалъ лордъ.

— Такого анонса дѣлать не надо, потому что пѣть буду я, сказала настоящая г-жа М.

Черезъ четверть часа, къ немалому удивленію знакомыхъ, лордъ Кастертонъ вошелъ въ ложу съ женою. Ходили слухи, что готовится громадный скандалъ, говорили, что леди Кастертонъ выйдетъ на сцену вмѣсто г-жи М. Публика, жадная до скандала, заранѣе торжествовала и вдругъ такое разочарованіе!

Въ концѣ третьяго дѣйствія, когда публика съ восторгомъ вызывала г-жу М., букетъ милорда упалъ къ ея ногамъ. Спустя нѣсколько минутъ лордъ предложилъ руку своей женѣ и они вмѣстѣ ушли изъ ложи.

Марта, приготовившаяся праздновать свою побѣду, сильно поразилась при входѣ въ ложу Эдвина съ Эльвирою. Она только-что разсказывала одному изъ своихъ обожателей, что леди Кастертонъ должна появиться на сценѣ. Сдѣлавшись невольной сплетницей въ глазахъ своихъ знакомыхъ, которыхъ она заранѣе предупредила о готовящемся скандалѣ, Марта хотѣла было уѣхать изъ театра но побоялась тѣмъ выдать себя. Въ концѣ третьяго дѣйствія шведскій посланникъ вошелъ къ ней въ ложу, прося позволенія представить ей капитана Штрома, извѣстнаго художника и соотечественника.

Штромъ былъ высокъ ростомъ, строенъ, обладалъ военною осанкою; въ петличкѣ его былъ орденъ почетнаго легіона. Посланникъ сообщилъ Мартѣ, что капитанъ, находясь во французской службѣ, участвовалъ въ войнѣ въ Алжирѣ, по окончаніи которой, выйдя въ отставку, посвятилъ себя живописи и пріобрѣлъ славу, какъ батальный живописецъ, не только во Франціи, гдѣ жилъ постоянно, но и во всей Европѣ. Марта очень любезно приняла новаго знакомаго, угадавъ, что онъ былъ пораженъ ея красотою, и потому пожелалъ быть ей представленнымъ.

Трудно было опредѣлить лѣта Штрома; ему могло быть отъ тридцати до сорока съ небольшимъ. Наружность его поражала съ перваго взгляда; нѣкоторые находили его красивымъ, другіе напротивъ; его глаза съ густыми бровями имѣли особенную притягательную силу, однакожь не внушали довѣрія. Спокойный въ обращеніи, непринужденный въ движеніяхъ, онъ своими манерами напоминалъ художника, живущаго исключительно для искуства. Наблюдая ближе и изучая это лицо, кажущееся съ перваго взгляда неподвижнымъ, всякому приходило на мысль сравнить его съ потухшимъ вулканомъ. Казалось прошли годы послѣ послѣдняго изверженія и не предвидѣлось новаго, но невозможно было ручаться, весь-ли огонь выгорѣлъ въ кратерѣ. Штромъ наговорилъ Мартѣ кучу любезностей. Вообще было затѣтно, что онъ заинтересовался ею, однакожь Марта подумала, что тоже самое онъ могъ сказать всякой хорошенькой дѣвушкѣ и въ первый разъ она почувствовала досаду, зачѣмъ называютъ ее красавицей. «Если онъ намѣревается помѣстить меня въ какую-нибудь картину, думала Марта, — онъ ошибается. Нѣтъ, г. художникъ, я постараюсь показать вамъ, что я не только красивая статуя».

Раздраженная любезностями капитана, Марта однакожь должна была поневолѣ вести съ нимъ разговоръ. Они довольно долго проговорили объ искуствѣ, о талантѣ и голосѣ г-жи М. и пр.

По окончаніи оперы, Марта вышла подъ руку со старымъ шведскимъ дворяниномъ, своимъ родственникомъ; Штромъ проводилъ ее до выхода и попросилъ позволенія посѣтить ее.

XV.

Направимся теперь въ домъ Кастертона.

Молча проводилъ Эдвинъ Эльвиру домой; когда карета подъѣхала къ воротамъ, онъ помогъ

Королева Елисавета, подписывающая смертный приговоръ Маріи Стюартъ.
Рѣзалъ на деревѣ г. Рихтеръ, въ С.-Петербургѣ.

J. Szermentowski ryś: w Paryżu

A. ZAIKOWSKI. Sc.

Мать. КАРТИНА ШЕРМЕНТОВСКАГО.

Рѣзалъ на деревѣ Зайковскій.

ей выйдти, проводилъ въ комнаты и, снявъ съ нея накидку, заперъ двери на ключъ.

Понимая, что теперь должна рѣшиться ея судьба, Эльвира чувствовала сожалѣніе; не смотря на то, что подготовлялась цѣлый годъ къ этой минутѣ, она чувствовала себя униженной собственными поступками и дрожала въ ожиданіи словъ человѣка, котораго умышленно оскорбила.

Долго Эдвинъ, молча, ходилъ по комнатѣ. Эльвира не смѣла поднять на него глазъ; облокотясь головою на подушку дивана, она прислушивалась къ однообразному звуку его шаговъ. Наконецъ, онъ остановился, Эльвира боялась вздохнуть.

— Желая говорить спокойно, сказалъ Эдвинъ,—я постарался утишить свое волненіе.

Замолчавъ снова, онъ прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ, какъ бы не вполнѣ увѣренный въ своемъ хладнокровіи; Эльвира не двигалась. По строгому выраженію лица Эдвина легко можно было заключить, что онъ вполнѣ обдумалъ то, что намѣревался сказать.

— Я желаю знать, съ какою цѣлью вздумалось вамъ выступить на сцену? сказалъ онъ.

Эльвира ничего не отвѣчала; она еще глубже спрятала свою голову въ подушку.

— Вы молчите; плохо же вы знаете человѣка, стоящаго передъ вами, если думаете молчаніемъ отдѣлаться отъ объясненія, которое онъ вправѣ отъ васъ требовать. Если вы имѣли смѣлость оскорбить меня, то смѣшно скрывать цѣль вашихъ дѣйствій.

Эльвира встала; она была очень блѣдна.

— Лордъ Кастертонъ, сказала она,—этимъ поступкомъ я хотѣла принудить васъ къ разводу; я знала ваше предубѣжденіе противъ сцены, знала, что вы никогда не согласитесь, чтобы ваша жена была оперной пѣвицей.

— Вы хотѣли принудить меня отнять отъ васъ имя, котораго вы въ глазахъ моихъ стали бы недостойной! Не дурно придумано; жаль только, что, составляя этотъ планъ, вы не приняли въ расчетъ моего характера. И такъ, вы желаете снова развода?

— Да, я этого желаю! съ твердостью отвѣтила Эльвира.

— Но, осуществивъ свое желаніе, вы потеряете имя и положеніе въ свѣтѣ, къ чему вы такъ стремились.

— Милордъ! воскликнула Эльвира,—повѣрьте, я готова пожертвовать всѣмъ: богатствомъ, положеніемъ, именемъ, чтобы только достигнуть расторженія нашего неестественнаго брака. Этотъ союзъ—проклятіе моей жизни, я не вынесу, если буду вынуждена долѣе подчиняться ему!

— Не вынесете! Вами должно быть овладѣла сильная страсть. Вѣроятно, вы любите кого-нибудь?

— Да, я люблю всей душою, отвѣчала Эльвира, смотря на мужа.

— Отъ вашей свободы зависитъ ваше счастье, ваше блаженство?

— Мое единственное желаніе: дожить дня, въ который я не буду вашею женою.

— Вы обладаете злополучною откровенностью, прервалъ ее Эдвинъ глухимъ голосомъ, принимаясь опять ходить по комнатѣ.

Эльвира слѣдила за нимъ глазами съ душевной тоскою, ожидая, чѣмъ все это кончится. Эдвинъ казался менѣе мраченъ, когда снова остановился передъ нею.

— Возможно, сказалъ онъ,—что настанетъ день, когда вы перестанете носить мое имя, но тогда меня уже не будетъ на свѣтѣ; пока я живу, вы останетесь леди Кастертонъ, моею женою. Я поклялся и ничто не принудитъ меня нарушить клятву.

— Вы жестоки, какъ ко мнѣ, такъ и къ самому себѣ, сказала Эльвира.

— Если вы теперь называете меня жестокимъ, какимъ именемъ назовете вы меня, когда узнаете мое окончательное рѣшеніе? Вы будете считать меня палачемъ; всеже я долженъ дѣйствовать по совѣсти. Вотъ уже четыре года, какъ мы обвѣнчаны; съ полнымъ довѣріемъ къ вашей чести и уваженіемъ къ вашей личной независимости, я далъ вамъ желаемую свободу; вы употребили во зло мое довѣріе и даете мнѣ право сказать вамъ, что вы женщина, имѣющая очень смутное понятіе о чести..

— Остановитесь милордъ! вскричала Эльвира.

— Успокойтесь и выслушайте меня, сказалъ Эдвинъ,—вы вполнѣ объяснили свои желанія и говорить болѣе вамъ нечего. Я требую въ будущемъ—исполненія моей воли... Вы сдѣлались моей женой изъ желанія отомстить обманувшему васъ мужчинѣ или изъ высокомѣрія, — я не могу рѣшить, да и не для чего рѣшать; я бы и вовсе не заговорилъ объ этомъ, еслибы леди Кастертонъ вела себя безусловно честно.

Эльвира снова сдѣлала движеніе, но остановилась.

— Не буду говорить о доказательствахъ; мнѣ достаточно, что человѣкъ, управляющій вами, могъ уговорить васъ предать мое имя скандалу, всеобщему посмѣянію. Доживъ и до сѣдыхъ волосъ, я не забуду этого оскорбленія моей чести.

Эдвинъ провелъ рукою по лбу; Эльвира опустила голову. Наступило молчаніе.

— Мнѣ остается прибавить немного, продолжалъ Эдвинъ:—вы имѣли намѣреніе публично оскорбить меня, вы и должны постараться исправить сдѣланное зло. Слухъ о томъ, что леди Кастертонъ намѣревалась выступить на сцену, распространится завтра во всѣхъ лондонскихъ кружкахъ. Вездѣ будутъ говорить, что я своимъ вмѣшательствомъ остановилъ скандалъ; теперь ждутъ новаго, чтобы набросить тѣнь на мою популярность; но ждать будутъ напрасно. Завтра утромъ вы поѣдете со мной въ Гайдъ-паркъ, гдѣ наши знакомые увидятъ насъ вмѣстѣ; вечеромъ, показавшись не надолго въ итальянской оперѣ, мы посѣтимъ балъ лорда Д. Однимъ словомъ, я требую, чтобы въ будущемъ вы также постоянно находились около меня, какъ до сихъ поръ старались избѣгать этого. Если въ васъ осталась хоть нѣкоторая доля справедливости, вы сами поймете вашу обязанность играть передъ свѣтомъ роль счастливой супруги. О разводѣ болѣе не думайте, никогда я не соглашусь на него. Если вы несчастны, живя со мной, то и я не могу назваться счастливымъ. Не совѣтую вамъ заводить новыхъ скандаловъ, иначе вы обратите въ адъ наше, и безъ того несчастное, сожительство. Во мнѣ вы будете имѣть строгаго судью; я стану тщательно слѣдить, чтобы вы еще чѣмънибудь не осрамили меня. Съ этого вечера м-съ Бровъ опять займетъ мѣсто вашей компаньонки, миссъ Армида можетъ остаться, если хочетъ; что касается остальной прислуги, я самъ выберу ее. Болѣе мнѣ нечего прибавить, вамъ же остается дѣйствовать сообразно моимъ указаніямъ.

— Я постараюсь, отвѣчала Эльвира, твердымъ, спокойнымъ голосомъ.—Вы сказали, милордъ, что я вела себя какъ женщина, не имѣющая понятія о чести. Можетъ быть, вы правы, не хочу спорить и постараюсь въ будущемъ не подавать вамъ повода повторить подобное обвиненіе. Я выслушала васъ, не оправдываясь, потому что вы запретили мнѣ говорить; будущее докажетъ, заслуживала-ли я эти упреки; я, можетъ быть, дѣйствовала ошибочно, но одинъ Богъ, читающій въ вашемъ и моемъ сердцѣ, можетъ разсудить насъ. Мнѣ остается только подчиниться вашей волѣ; отказывайте кому хотите изъ моей прислуги, нанимайте другихъ по вашему вкусу, я ни во что не буду вмѣшиваться.

— Самый умный образъ дѣйствія, отвѣчалъ Эдвинъ.—Я ухожу, не желая васъ утруждать. Это нашъ общій этажъ, прибавилъ онъ,—вы будете занимать лѣвую половину, я правую; можете приказать, чтобы ваши вещи перенесли сюда.

Эдвинъ позвонилъ.

— Леди желаетъ отдать вамъ приказаніе, сказалъ онъ камердинеру и вышелъ.

Ни лордъ, ни леди всю ночь не могли уснуть. Эдвинъ не находилъ себѣ мѣста подъ впечатлѣніемъ противуположныхъ чувствъ. Весь гнѣвъ его обнаружился теперь, когда ему не передъ кѣмъ было удерживаться: гордость, самолюбіе, высокомѣріе, все было оскорблено въ немъ. Сложенныя руки, мрачно сдвинутыя брови, сжатыя губы доказывали, что въ немъ бушевала сильная буря. Онъ волновался при мысли о томъ, что могло случиться, приди онъ позже въ театръ. Ему казалось, что ничто не можетъ заставить его простить Эльвирѣ сдѣланное ему зло.

Пока Эдвинъ думалъ о нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ, Эльвира, сидя въ своемъ креслѣ, мысленно переживала прошлые годы. Вся жизнь ея казалась ей болѣзненнымъ, лихорадочнымъ сномъ, начавшимся съ того часа, когда она подслушала разговоръ Эдвина съ Сиднеемъ въ Гартонкуртѣ. Она переживала снова всѣ чувства, попеременно управлявшія ею, всѣ впечатлѣнія, принудившія ее дѣйствовать такъ, а не иначе. Но она была совершенно спокойна и могла обсуждать все хладнокровно. Сдѣланныя ошибки свидѣтельствовали, что она сама построила себѣ такое мрачное настоящее и безнадежную будущность. Она не могла вернуть прошлаго; Эдвинъ же объявилъ, что никогда не проститъ ей. Оставалось одно: подчиниться оскорбленному мужу и предаться на произволъ судьбы.

Эльвира, стремясь къ перемѣнѣ своей жизни, ускорила развязку. Что выиграла она этимъ? Ничего. Обвиняя себя во всемъ, она прощала Эдвину.

Настало утро, а она не ложилась. Всѣ въ домѣ встали и первою вошла къ ней Армида; осторожно просунувъ голову въ открытую дверь спальни, она прошептала:

— Проснулась-ли ты, Эльвира?

Эльвира поздоровалась съ нею съ искреннимъ радушіемъ.

— Что случилось Эльвира? спросила Армида:—ты блѣдна, какъ смерть. Зачѣмъ ты здѣсь, не на виллѣ? Скажи скорѣе, что произошло.

— Армида, сказала Эльвира,—не задавай мнѣ вопросовъ, я не въ состояніи отвѣчать на нихъ; все прошло благополучно; мы объяснились съ лордомъ. Я поняла, что поступала не хорошо и успокоилась, сознавшись въ своихъ ошибкахъ. Я болѣе не разстанусь съ мужемъ.

— Твоя наружность противорѣчитъ твоимъ словамъ, сказала Армида;—на твоемъ лицѣ легко прочесть, что ты пережила тяжелый чувствительный кризисъ. Я не имѣю права навязываться на довѣріе, но повѣрь, я сильно страдаю, видя, что ты несчастлива...

— Я сама виновата въ своемъ несчастіи, грустно прервала ее Эльвира.

— Не довольствуясь тѣмъ, что мужъ унижалъ и оскорблялъ тебя, онъ еще взваливаетъ на тебя отвѣтственность за свои ошибки. О, несчастная, милая Эльвира, какъ желала бы я дожить до дня, когда ты будешь свободна и счастлива, а лордъ Кастертонъ наказанъ за...

— Молчи! Не говори ни слова про него, твердымъ голосомъ прервала ее Эльвира,—я виновата не менѣе его; никогда я не прощу себѣ намѣренія оскорбить и унизить его; я тѣмъ болѣе обязана ему, что онъ остановилъ меня во время. Теперь, Армида, если имѣешь ко мнѣ

дружбу, ни слова про моего мужа. Я не желаю знать его слабостей; обѣщай мнѣ никогда не упоминать имени Кастертона.

— Я обѣщаю не упоминать его имени, отвѣчала Армида,—но это не помѣшаетъ мнѣ осуждать и ненавидѣть его поступки.

— Армида! вскричала Эльвира съ упрекомъ.

— Не сердись, я буду молчать. Желаніе передать тебѣ это письмо заставило меня посѣтить тебя такъ рано, сказала она протянувъ письмо. Эльвира покраснѣла.

«Я не ошиблась, подумала Армида,—письмо отъ сэра Сиднея».

— Я ухожу, сказала она громко,—по дорогѣ, если желаешь, я пошлю тебѣ горничную; впрочемъ, можетъ быть, она тебѣ еще не нужна.

— Я позвоню, когда начну одѣваться, отвѣчала Эльвира, смотря на письмо.

— Какъ хочешь, сказала Армида, направляясь къ двери.

— Скажи мнѣ передъ уходомъ, остановила ее Эльвира,—почему ты пріѣхала ко мнѣ сюда? Кто сказалъ тебѣ, что я провела ночь въ этомъ домѣ?

— Лордъ.

— Развѣ ты видѣла его?

— Нѣтъ, вчера поздно вечеромъ онъ прислалъ мнѣ это письмо.

Армида протянула Эльвирѣ записку слѣдующаго содержанія:

«Миссъ Армида! Прошу васъ завтра посѣтить леди Кастертонъ, переѣхавшую въ нашъ домъ.

Эдвинъ Кастертонъ».

— Это лаконическое посланіе лишило меня сна, заставивъ смертельно бояться за тебя, продолжала Армида.—Я представляла себѣ всякія страсти, что и заставило меня явиться сюда, какъ только стало разсвѣтать. Мнѣ передали, что моя комната въ верхнемъ этажѣ; я пойду, посмотрю ее.

(*Продолженіе будетъ.*)

Къ рисункамъ.

Утреннее умываніе. Мы уже не разъ говорили о томъ, что реальное направленіе все болѣе и болѣе начинаетъ проникать во всѣ отрасли искусства. Въ послѣднее время Парижъ видѣлъ чисто реальную драму, сдѣланную изъ романа Зола L'assommoir, драму, гдѣ были переданы на сценѣ всѣ мелочи будничной жизни рабочихъ; въ Парижѣ красовались группы «Газетчики» и «Мальчикъ, котораго моютъ», передающія выхваченныя изъ современной жизни сценки; въ Парижѣ появляются все чаще и чаще романы въ родѣ романовъ Зола и Гонкуровъ, выхватывающіе страницы изъ текущей дѣйствительности. Къ числу этихъ произведеній принадлежитъ и оригинальная картина Обле, переносящая насъ за кулисы казарменной жизни. Огромный басейнъ воды, группы полуодѣтыхъ солдатъ, мылящихъ себѣ руки, шеи и головы, вотъ содержаніе этой картины. Лица, изображенныя художникомъ, типичны; группы ловко составлены; вся сценка полна движенія и жизни. Такъ какъ это произведеніе оригинально и хорошо написано, то и успѣхъ его оказался полнымъ: картину эту успѣли разнести по всему свѣту десятки гравюръ и фотографій.

Знатокъ. Грюцнеръ, какъ знаютъ наши читатели, преимущественно изображаетъ сцены изъ жизни католическаго монашества. Здѣсь у талантливаго художника покуда нѣтъ опасныхъ соперниковъ: всѣ эти монахи Грюцнера—живые типы, полные юмора,—юморъ же есть одна изъ главныхъ принадлежностей жанриста; юморъ нуженъ жанристу на-столько же, какъ религіозное чувство для художника, избравшаго для своихъ картинъ священные сюжеты, какъ поэтическое пониманіе природы для пейзажиста, какъ широкое міросозерцаніе и пониманіе величія для историческаго художника. «Знатокъ» Грюцнера принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ и жизненныхъ типовъ этого художника: это въ полномъ смыслѣ этого слова прелестная фигура, полная экспрессіи и смысла.

Мать. «Материнская любовь», «Мать съ ребенкомъ», «Молодая мать», все это давно избитые сюжеты, къ которымъ тысячи разъ обращались художники и, какъ сюжеты, подобныя картины имѣютъ мало значенія. Но подобныя произведенія всегда будутъ имѣть значеніе, какъ болѣе или менѣе удачные этюды женскихъ и дѣтскихъ типовъ. Г. Шерментовскому удалось написать двѣ очень милыя и симпатичныя фигуры молодой женщины и дитяти и потому его картина, не смотря на избитость темы, на простоту содержанія, производитъ пріятное впечатлѣнія на зрителя.

Цыгане» и «Королева Елизавета, подписывающая смертный приговоръ Маріи Стюартъ». Эти двѣ картины служатъ иллюстраціями къ произведеніямъ великихъ поэтовъ, Шиллера и Пушкина. Конечно, наши читатели знаютъ и «Цыганъ» Пушкина, и драму «Марія Стюартъ» Шиллера и потому намъ нечего объяснять содержаніе этихъ произведеній и этихъ илюстрацій. Мы скажемъ только, что въ нашемъ журналѣ появится еще нѣсколько илюстрацій къ произведеніямъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Тургенева, въ родѣ уже помѣщенныхъ у насъ илюстрацій къ «Моцарту и Сальери», къ «Цыганамъ», къ «Барышнѣ-крестьянкѣ» и т. п. «Королева Елизавета» принадлежитъ извѣстному художнику Лиценъ-Мейеру.

Смѣсь.

— В. Ф. Кеневичъ (Замѣтка Н. Н. Вокуловскаго). Еще одного труженника не стало. Мы погребли на дняхъ Владислава Феофиловича Кеневича. Покойный работалъ въ журналахъ «Библіотека для чтенія», «Учитель», «Педагогическій музей», въ «С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ» (редакціи В. Ф. Корша), въ «Молвѣ». Онъ издалъ «Опытъ учебника русскаго синтаксиса» и «Хрисгоматію для изученія произведеній древней русской литературы». Академія наукъ издала труды его «Біографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова» и «Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера». Онъ же участвовалъ въ изданіи Державина академикомъ Гротомъ. Покойный окончательное образованіе получилъ въ здѣшнемъ университетѣ и затѣмъ всю жизнь былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ дворянскомъ полку, въ 1 кадетскомъ корпусѣ, въ 1 военной гимназіи, въ лицеѣ, въ патріотическомъ и елизаветинскомъ институтахъ. Какъ и всѣ труженики, В. Ф. послѣ своей смерти не оставилъ никакихъ средствъ семьѣ. Скончался онъ въ больницѣ Св. Маріи Магдалины послѣ тяжкой хронической болѣзни на 48-мъ году отъ рожденія. Кеневичъ съ особенной любовью занимался изслѣдованіемъ и объясненіемъ произведеній Крылова. Въ шестомъ томѣ сборника статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности академіи наукъ, въ память Ивана Андреевича Крылова, помѣщено предисловіе Кеневича къ комедіи Крылова «Пирогъ». Ему же принадлежатъ тамъ объемистыя библіографическія и историческія примѣчанія. Онъ первый далъ обстоятельную характеристику произведеній Крылова, который при жизни не нашелъ строгой, безпристрастной, правильной оцѣнки. Мы слышали, что В. Ф. былъ однимъ изъ кандидатовъ къ избранію, въ члены второго отдѣленія нашей академіи наукъ.

— Къ вопросу о налогѣ на собакъ (Замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). При абсолютно неблагопріятномъ предсказаніи бѣшенства собакъ и при полной недѣйствительности его леченія, самое вѣрное средство возможнаго ограниченія уничтоженія зла—это уменьшеніе числа собакъ. Въ западной Европѣ удобнѣйшей мѣрою для этого считается налогъ на собакъ, существующій почти вездѣ, даже въ Баваріи, гдѣ количество этихъ животныхъ, относительно числа жителей, приходилось чуть ли не втрое болѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ государствахъ. Баварія приняла это рѣшеніе на основаніи данныхъ, выработанныхъ наукою. Международный конгресъ въ Вѣнѣ рѣшилъ, что высокій налогъ на собакъ составляетъ вѣрное средство для уменьшенія ихъ количества и для лучшаго ихъ содержанія. Налогъ этотъ одобренъ парижскимъ ветеринарнымъ обществомъ и авторитетами по части ветеринарной полиціи. Цифра случаевъ бѣшенства вездѣ не малая, но она уменьшилась пропорціонально уменьшенію собакъ, тамъ, гдѣ былъ введенъ на нихъ налогъ. Собаки, какъ высказалось по вопросу этому мюнхенское общество врачей, опасны нетолько вслѣдствіе того, что онѣ могутъ перенести заразу бѣшенства на людей, но и вслѣдствіе того, что онѣ составляютъ исключительныхъ носителей и разводителей паразитовъ, опасныхъ какъ для человѣка, такъ и для сельскохозяйственныхъ животныхъ. По статистическимъ даннымъ, въ средней Европѣ еще недавно приходился на 100 человѣкъ народонаселенія одинъ больной глистными болѣзнями, у 50% изъ которыхъ смерть наступаетъ ранѣе 5 лѣтъ послѣ заболѣванія. Въ Исландіи $^1/_6$ часть всего населенія говорятъ, умираетъ отъ глистъ, а въ нѣкоторыхъ округахъ ея, каждый третій человѣкъ страдаетъ глистною болѣзнью. Датчане не нашли лучшаго средства противодѣйствовать этому громадному распространенію глистъ, какъ установленіе высокаго налога на собакъ.

— Оптическое небесное явленіе. Въ воскресенье, 5-го октября, въ Бордо небо представляло интересное явленіе. Со словъ очевидца приводимъ его описаніе.—«Возвращаясь съ Сдвье, я замѣтилъ молнію зигзагомъ, которая оставалась неизмѣнною покрайней мѣрѣ втеченіи 10 минутъ. Нижняя часть этой интересной и своеобразной молніи оканчивалась вздутіемъ, которое изчезало постепенно безъ взрыва и шума: ни того, ни другого не было слышно. Въ тотъ же день вечеромъ около 9 часовъ, меня позвали посмотрѣть на новое небесное явленіе, для меня неизвѣстное и никѣмъ изъ мѣстныхъ жителей невиданное. Оно повторилось и накапунѣ, когда было замѣчено многими изъ моихъ сосѣдей. Луна находилась между двумя освѣщенными столбами, которые пересѣкали другъ друга крестомъ, и одинъ изъ нихъ касался верхняго края диска луны; другой же столбъ былъ вертикаленъ и пересѣкалъ луну пополамъ. Небо было покрыто тонкой пеленой туманно-молочнаго цвѣта. Замѣтно было, что эта пелена какъ будто двигалась или колебалась, то сокращаясь, то расширяясь. Явленіе продолжалось до полночи.

— Гололедица въ окрестностяхъ Парижа. Зима 1879 года отличалась обиліемъ снѣговъ не только во Франціи, но также по всей средней части нашего полушарія. Одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій паденія снѣга состоитъ въ очищеніи атмосферы отъ всякихъ пылинокъ, цвѣточныхъ сѣмянъ и солей, заносимыхъ вѣтромъ; именно этому обстоятельству и слѣдуетъ приписать удивительное явленіе, которому жители Парижа и сосѣдней мѣстности были свидѣтелями 22-го января нынѣшняго года. Въ этотъ день, около полудня, началъ идти мелкій дождь. Надо замѣтить, что не взирая на температуру въ 6° ниже нуля, дождь этотъ состоялъ исключительно изъ жидкихъ капель безъ малѣйшей примѣси ледяныхъ кристаловъ и превращался въ гладкій и блестящій слой льда только послѣ паденія. Гололедица эта отличалась отъ тѣхъ, что обыкновенно бываютъ зимой, тѣмъ, что она садилась на вѣтви деревьевъ, на листья, на телеграфныя проволоки, зонтики, платья, стекла каретъ, однимъ словомъ на всѣ предметы безъ исключенія, даже на теплые. Съ 22-го числа дождь этотъ продолжался цѣлыя сутки, а также часть слѣдующаго дня. По мѣрѣ паденія дождя слой льда постепенно увеличивался до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ, напримѣръ, въ Фонтенебло нижнія ступени одной каменной лѣстницы

сравнялись съ верхними. Телеграфныя проволоки и листья на деревьяхъ очутились въ ледяныхъ футлярахъ—первыя въ 4 сант., а вторыя въ 2 сант. толщины. Хвойныя деревья представляли изъ себя ледяные конусы весьма правильной формы и до такой степени прозрачные, что сквозь этотъ твердый слой льда можно было видѣть очертанія вѣтвей, какъ нельзя лучше. На другихъ деревьяхъ каждая вѣтка покрывалась отдѣльнымъ слоемъ, не вездѣ одинаковой толщины, а вѣтки и при паденіи увлекали за собою и нижнія, такъ что стволъ дерева оставался совершенно обнаженнымъ. Все это совершалось съ необыкновенной быстротой; въ лѣсахъ, среди ночной тишины, раздавался вдругъ страшный трескъ, затѣмъ грохотъ падающихъ вѣтокъ и деревьевъ. Таяніе этой изумительной гололедицы представляло также весьма интересное зрѣлище. Теплота, проникая въ ледяныя оболочки изнутри, растопляла постепенно ледъ такимъ образомъ, комъ, напоминающимъ трескъ раздавливаемой орѣховой скорлупы. Много пострадали въ эти достопамятные дни и животные. Птицъ, напримѣръ, гололедица приковывала за лапки и за хвостикъ къ тѣмъ предметамъ, на которыхъ она ихъ застигала; попадались куропатки, застывшія въ сплошной оболочкѣ льда. Явленіе это невольно напоминаетъ мастодонтовъ и другихъ допотопныхъ животныхъ, которыхъ въ настоящее время откапываютъ близъ рѣки Лены. Они

ПОРТРЕТЫ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

В. Д. Спасовичъ *).

Рѣзалъ на деревѣ А. Регульскій.

именно—къ верху онъ былъ толще, чѣмъ къ низу и съ боковъ, что доказываетъ, что дождь замерзалъ мгновенно, не успѣвая скатиться внизъ. Телеграфныя проволоки обрывались, а вѣтви деревьевъ сламывались подъ тяжестью ледяныхъ массъ. Тяжесть эта была такъ велика, что даже сломила дубъ, имѣвшій 2 метра и 20 сант. въ окружности. Множество фруктовыхъ деревьевъ погибло такимъ образомъ. Большею частью такъ случалось, что начинали сламываться верхнія что, дѣлаясь все тоньше и тоньше, онъ образовывалъ вокругъ предметовъ нѣчто вродѣ трубокъ, которыя отъ тяжести своихъ верхнихъ частей, начали перевертываться и отпадать. Явленіе это сопровождалось неудобствомъ своего рода; дѣло въ томъ, что земля покрылась этими трубочками на 3 и на 4 сантиметра толщины и что онѣ раскалывались подъ ногами пѣшеходовъ съ трестоже стоятъ поднявши голову къ верху, заключенные въ ледяную оболочку, какъ будто застигнутые врасплохъ гололедицей, подобной той, что свирѣпствовала во Франціи въ прошломъ году. Гипотеза эта точно также вѣроятна, какъ и предположеніе о снѣжныхъ буранахъ, которыми, по мнѣнію палеонтологовъ, вышеупомянутые животные были занесены.

— Потери въ медицинскомъ персоналѣ въ послѣднюю войну. Въ новомъ «Календарѣ для

*) Біографія В. Д. Спасовича будетъ помѣщена въ слѣдующемъ, 46-мъ нумерѣ «Жив. Об.».

врачей» на 1880 г. приведенъ списокъ врачей, погибшихъ въ минувшую турецкую кампанію 1877—1878 г. Подводя итогъ этому списку, мы видимъ, что въ Европейской Турціи окончило жизнь 106 врачей (въ томъ числѣ и нѣсколько ветеринаровъ). Фельдшеровъ погибло въ Европейской Турціи 184; по роду смерти: отъ заразныхъ болѣзней 173; убитыхъ въ сраженіи 10, убитый внѣ сраженія — 1. Въ Азіатской Турціи и на Кавказѣ погибло 66 врачей; изъ нихъ: отъ тифа погибло 48 ч. Кромѣ такого числа врачей на Кавказѣ погибло лекарскихъ помощниковъ 7, фармацевтовъ 10 и фельдшеровъ 118. Такимъ образомъ, на обоихъ театрахъ войны погибло 172 врача и болѣе трехсотъ фельдшеровъ.

— **Рефракторъ для пулковской обсерваторіи.** Директоръ николаевской главной астрономической обсерваторіи, О. В. Струве, вернулся недавно изъ-заграничной командировки, предпринятой имъ съ цѣлію заказать объективъ для большого рефрактора, на который ассигновано четыреста сорокъ тысячъ рублей. «Нов. Вр.» слышало, что О. В. Струве заказалъ объективъ, составляющій самую существенную часть инструмента, въ тридцать англійскихъ дюймовъ у американскаго художника Альвана Кларка. Такого инструмента не имѣетъ въ настоящее время ни одна обсерваторія въ мірѣ и потому наша пулковская обсерваторія въ этомъ отношеніи будетъ первенствующею.

— **Е. Ф. Мейендорфъ.** 26 октября послѣ непродолжительной болѣзни скончался одинъ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ, ветерановъ кампаніи 1812 года, генералъ-адъютантъ баронъ Егоръ Федоровичъ Мейендорфъ. Покойный былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ въ январѣ 1812 года, а 19 лѣтъ спустя, былъ уже генералъ-маіоромъ и въ этомъ чинѣ удостоился пожалованія въ званіе генерала-адъютанта, что, какъ извѣстно, дается весьма рѣдко и притомъ только за особыя служебныя отличія или выдающіеся боевые подвиги. Е. Ф. Мейендорфъ былъ въ офицерскихъ чинахъ 67 лѣтъ, генераломъ вообще болѣе 48 лѣтъ и полнымъ генераломъ около 25-ти лѣтъ. Прослуживъ долгое время въ строю и занимая также административныя должности, Е. Ф. Мейендорфъ въ послѣднее время состоялъ по гвардейской кавалеріи и, числясь лейбъ-гвардіи въ конномъ полку, былъ оберъ-шталмейстеромъ двора его величества, шефомъ 14 го драгунскаго малороссійскаго полка, членомъ комитетовъ: по устройству быта лифляндскихъ крестьянъ и для ремонтированія лошадьми степныхъ заводовъ конной артиллеріи, а также президентомъ главнаго комитета евангелическаго лютеранскаго библейскаго общества и евангелической лютеранской генеральной консисторіи.

— **Небывалый наемъ.** Въ газетѣ «Рус. Кур.» пишутъ: «Одинъ крестьянинъ за рубку дубоваго лѣса въ селѣ Знаменскомъ (Дураково тожъ) былъ присужденъ мировымъ судьею къ денежному штрафу. Крестьянинъ оказался несостоятельнымъ; поэтому денежное взысканіе было замѣнено трехдневнымъ арестомъ. Крестьянину это не понравилось и онъ нанялъ за себя «на высидку» за три рубля другого, который и выполнилъ заключенное условіе. Такое исполненіе рѣшенія возбудило неудовольствіе со стороны управляющаго имѣніемъ и онъ попросилъ старшину составить актъ, который и былъ препровожденъ къ судебному слѣдователю.

— **Находка.** «Вилен. Вѣст.» пишутъ изъ Волковыска: Бѣдный еврей, сапожникъ Готлибъ Липскій, имѣющій въ городѣ домъ и владѣющій землею, собралъ съ огорода картофель и нанялъ работника выкопать яму для ссыпки его. 4-го октября мужичокъ, копая эту яму подъ надзоромъ дочери наемщика, выкопалъ горшокъ. Дочь наемщика замѣтила горшокъ и указала работнику; тотъ схватилъ его, бросилъ работу и убѣжалъ. На улицѣ остановили его полицейскіе десятскіе, отняли горшокъ и представили въ полицейское управленіе. Разбили горшокъ и нашли 65 большихъ серебряныхъ монетъ, гораздо больше нашего рубля, и восемь фунтовъ заржавленныхъ мелкихъ монетъ, величиною въ наши 15 и 10-ти копеечники, которыя по очисткѣ отъ ржавчины оказались серебрянными. Кладъ этотъ представленъ въ губернское правленіе.

— **Поразительная любовь.** Въ Ставрополѣ, по сообщенію кореспондента «Молвы», судилась жена священника Благодарова, старуха 58 лѣтъ, обвинявшаяся въ подстрекательствѣ къ убійству своего мужа; рядомъ съ нею сидѣли три молодыхъ красивыхъ парня; старшему изъ нихъ, бывшему работнику священника, 20 лѣтъ. Дѣло судебнымъ слѣдствіемъ выяснилось такъ: Подсудимая состояла будто-бы въ любовной связи со всѣми тремя ея соучастниками и, чтобы ей никто не мѣшалъ въ этой преступной связи, она рѣшила покончить съ своимъ, ненавистнымъ, неспособнымъ уже къ брачной жизни, старикомъ мужемъ; она, подговоривъ молодцевъ, снабдила ихъ порохомъ и дробью, сдѣлала надлежащее наставленіе, какъ и когда подстрѣлить ненавистнаго старика, и дала имъ денегъ на выпивку, для храбрости... И вотъ старикъ-священникъ сидитъ себѣ возлѣ лампы и читаетъ «Епархіальныя Вѣдомости», а попадья пріютилась къ сторонкѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, прядетъ шерсть. Вдругъ за окномъ раздался какой-то странный трескъ, и стекла изъ оконной рамы, противъ «батюшки», со звономъ полетѣли по всей комнатѣ. Поднялась суматоха, шумъ, крикъ и гамъ, причемъ попадья пуще всѣхъ перепугалась и громче всѣхъ вопила о помощи. Побѣжали домашніе на улицу, а тамъ уже виновники этой суматохи были задержаны проходившими мимо дома священника крестьянами односельчанами, которыхъ молодцы въ темнотѣ не замѣтили. Всѣ три молодые парня тутъ же сознались, что по «батюшкѣ» стрѣляли они, но оговорились при этомъ, что не убить его хотѣли, а только «испужать», по впослѣдствіи они оговорили въ подстрекательствѣ и попадью. Старикъ-священникъ, явившійся въ судъ свидѣтелемъ, со слезами на глазахъ разсказалъ прискорбную исторію и употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы выгородить свою «старуху», такъ какъ онъ вѣрить не хотѣлъ, чтобы она могла принимать участіе въ этомъ гнусномъ дѣлѣ. Когда присяжные вынесли для всѣхъ подсудимыхъ обвинительный вердиктъ и судъ приговорилъ «старуху» къ 12-лѣтней каторжной работѣ, то священникъ расплакался и выразилъ намѣреніе идти за своей «старухой» въ Сибирь. «Жить безъ нея я не могу», говорилъ онъ, обливаясь слезами при прощаніи, когда ее повели въ острогъ. Самъ онъ и о защитникѣ заботился и, отыскавъ таковаго въ Симбирскѣ, составилъ ему защитительную рѣчь.

— **Свѣтящіяся ядра.** Въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ и между прочимъ въ Гренoблѣ, производятся опыты надъ новымъ военнымъ снарядомъ, а именно, надъ «свѣтящимися ядрами» системы Ламара. Ядра эти загораются на лету и горятъ на столько ярко, что при свѣтѣ ихъ осажденнымъ представляется возможность слѣдить за работами траншей и батарей непріятеля, производящимися ночью. Кромѣ того снаряды эти снабжены гранатами, разрывающимися черезъ неопредѣленный промежутокъ времени, такъ что приближаться къ нимъ съ цѣлью погасить ихъ, весьма опасно. Новоизобрѣтенные свѣтящіеся снаряды носятъ имя своего изобрѣтателя.

— **Юбилей живописи на стеклѣ.** Въ Германіи происходило въ послѣднихъ числахъ сентября довольно оригинальное торжество—въ монастырѣ бенедиктинцевъ, извѣстномъ подъ названіемъ Тегернеза; праздновался девятисотлѣтній юбилей изобрѣтенія живописи на стеклѣ. На этомъ праздникѣ можно было любоваться четырьмя громадными картинами на стеклѣ, пожертвованными любителями и художниками въ память этого дня.

— **Общество трезвости во Франціи** роздало на послѣднемъ конкурсѣ 2 премія въ 1500 фр. и въ 300 фр., 47 книжекъ ссудо сберегательной кассы въ 25 фр. каждая и 388 серебряныхъ и бронзовыхъ медалей. Програма конкурса высылается безплатно всякому желающему получить ее; для этого слѣдуетъ обращаться письменно или словесно въ помѣщеніе общества: № 6, rue de l'Université, Paris. Общество противъ злоупотребленія табакомъ предоставило на конкурсъ три преміи въ 100 фр. каждая; 2 преміи въ 200 фр. и одну въ 300 фр. Преміи эти назначены авторамъ лучшихъ сочиненій, написанныхъ на вопросы, предложенные обществомъ. Кромѣ того, на торжественномъ засѣданіи, которое будетъ происходить въ апрѣлѣ 1880 года, будутъ раздаваться медали и книги.

— **Тунель подъ р. Гудсонъ.** Работы надъ этимъ тунелемъ идутъ весьма успѣшно. Колодезь въ 65 фут. глубины, со дна котораго долженъ начинаться тунель, уже прорытъ на половину и надѣются въ непродолжительномъ времени приняться за прорытіе тунеля; онъ будетъ состоять изъ двойной линіи желѣзной дороги, широкаго шоссе для экипажей и тротуаровъ для пѣшеходовъ. Длина тунеля будетъ простираться до 12,000 фут.; склонъ его будетъ 2 фута на 100 футовъ къ Джерсей Сити, 3 ф. на 100 ф. подъ рѣкой и 2 ф. на 100, къ Нью-Іорку. Стоимость этого предпріятія опредѣляется въ 10,000,000 ф. ст. и окончено оно будетъ черезъ 3 года. Но, по словамъ газеты Evening Part, не только по главному тунелю отъ Джерсей-Сити до Нью-Іорка, но также и по боковой линіи, ведущей къ Staten Island, движеніе вагоновъ начнется раньше назначеннаго срока.

— **Выходящая изъ ряду золотая свадьба.** Въ Бостонѣ супруги Адамсъ праздновали золотую свадьбу, именно въ томъ же самомъ домѣ, въ той же самой комнатѣ, гдѣ отецъ и дѣдъ Адамса—оба бывшіе президенты Соединенныхъ Штатовъ—праздновали тотъ же юбилей. Такое стеченіе обстоятельствъ дѣйствительно представляетъ рѣдкій, если не единственный случай.

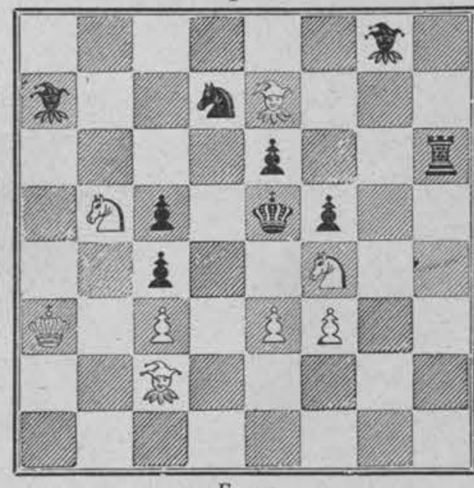
Шахматный отдѣлъ.

ЗАДАЧА № 2.

С. Лойда *)

(въ Елизабетѣ, Соед. Шт. Сѣв. Амер.)

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 3 хода.

*) Самуэль Лойдъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ композиторовъ задачъ настоящаго времени.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Литературная премія, предназначенная къ выдачѣ гг. подписчикамъ, внесшимъ плату за годовое изданіе 1879 года, печатается и выйдетъ въ концѣ ноября.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 44-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 3-го ноября въ 6 час 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 4-го ноября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель **Н. И. Шульгинъ.**
Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

РАМКИ

ДЛЯ КАРТИНЪ ВСЯКАГО РОДА

и для премій

„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ".

БАГЕТЫ и ГОТОВЫЯ РАМКИ

различнѣйшихъ и новѣйшихъ рисунковъ, по дешевымъ цѣнамъ, съ ручательствомъ за добросовѣстное изготовленіе.

РАМКИ. РАМКИ.

Тутъ же можно получить въ большомъ выборѣ: альбомы для визитныхъ и кабинетныхъ карточекъ, для стиховъ, наклейки картинъ и почтовыхъ марокъ; портъ-монэ, портъ-сигары, бумажники, портфели, бювары, папки для нотъ, сумки, ранцы, шкатулки, бѣлыя и сѣрыя бездѣлушки изъ кленоваго дерева для раскрашиванія и работы брызгами; запонки; олеографическія картины съ рамками и безъ оныхъ, гармоніи, шарманки и всѣ канцелярскія и рисовальныя принадлежности

РАМКИ.

Магазинъ парижскихъ моделей и выкроекъ модъ.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, уголъ Новой улицы д. № 75/2, кв. № 5.

Магазинъ имѣетъ честь извѣстить, что имъ постоянно получается изъ Парижа новый выборъ моделей дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ и что онъ единственный въ Россіи, который продаетъ парижскія модели, сдѣланныя изъ тонкой разноцвѣтной бумаги съ отдѣлками: бантами, кружевами, бахрамою и проч., по которымъ всякая швея можетъ разсчитать количество нужнаго матеріала и скопировать самый сложный костюмъ. Для модныхъ магазиновъ модели необходимы для выставокъ, какъ замѣняющія собою вполнѣ оригиналы костюмовъ.

Подписка на парижскіе модные журналы.

Мы приглашены быть спеціальными агентами въ Россіи парижскаго общества «Société des journaux de modes réunis», которое издаетъ нѣсколько модныхъ журналовъ. Общество это существуетъ въ Парижѣ 45 лѣтъ и пользуется всемірною извѣстностью.

Главное и существенное преимущество предлагаемыхъ журналовъ то, что они даютъ новизны модъ, по крайней мѣрѣ, двумя мѣсяцами ранѣе, нежели нѣмецкіе и русскіе модные журналы: это и естественно, потому что Парижъ — законодатель модъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ парижскихъ журналовъ, въ нашемъ магазинѣ моделей принимается подписка на **«Наглядню Моду»** нѣчто совершенно новое, еще нигдѣ не бывалое и особенно полезное для модныхъ магазиновъ и избавляющее ихъ отъ выписки дорогихъ моделей прямо изъ Парижа. **«Наглядная Мода»** безъ текста, а состоитъ изъ ежемѣсячнаго изготовленія новой модели въ натуральную величину со всѣми подробностями и нужными отдѣлками, не находящимися ни въ одномъ изъ модныхъ журналовъ, и соотвѣтственно съ сезономъ года. Къ модели прилагается подробная выкройка. Въ годъ высылается 1 бальное платье, 2 визитныхъ, 2 домашнихъ или для гулянья платья, 4 верхнія или confection и 3 дѣтскіе костюма.

Цѣна выкроекъ.

Пальто, долманъ, мантилья: отъ 75 к. до 1 р. 25 к.

Костюмъ для баловъ, визитовъ, театровъ и гулянья отъ 1 р. до 1 р. 50 к.

Дѣтскіе костюмы отъ 50 к. до 1 р.

Цѣна моделей вмѣстѣ съ выкройками.

Confection, пальто 2 р.

Пенуаръ отъ 2 р. до 3 р.

Юбки отъ 1 р. до 2 р.

Полный домашній костюмъ или короткій для прогулокъ отъ 2 р. до 3 р. 50 к.

Нарядный визитный или бальный костюмъ отъ 3 р. 50 к. до 5 р.

Дѣтскіе модели.

Костюмы для дѣвочекъ отъ 1 р до 2 р.

» » мальчиковъ отъ 1 р. до 1 р. 50 к.

АБОНЕМЕНТЪ ЖУРНАЛОВЪ.

	На годъ. Безъ доставки.	На годъ. Съ доставкою.	На годъ. Съ пересылкою.	На полгода. Безъ доставки.	На полгода. Съ доставкою.	На полгода. Съ пересылкою.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
«Наглядную Моду»:						
Ежемѣс. 1 разъ..	18 »	20 »	22 »	9 »	10 50	11 50
«Le Moniteur de la Mode»:						
4 раза въ мѣсяцъ.						
1-е изданіе....	12 »	13 »	13 50	7 »	7 50	8 »
2-е изданіе....	13 »	14 »	14 50	7 50	8 »	6 50
3-е изданіе. ..	17 »	18 »	18 50	9 »	9 50	10 »
«La France Elégante»:						
2 раза въ мѣсяцъ.	10 »	11 »	12 »	5 »	5 50	6 50
«Le petit messager des modes»:						
2 раза въ мѣсяцъ.	8 »	9 »	9 50	4 50	5 »	5 50
«Les Nouveautés Parisiennes»:						
2 раза въ мѣсяцъ.	8 »	9 »	9 50	4 50	5 »	5 50
«La Modiste Universelle»:						
1 разъ въ мѣсяцъ.	7 »	8 »	8 50	4 »	4 50	5 »
«Paris Elégant»:						
1 разъ въ мѣсяцъ.	7 »	7 50	8 »	4 »	4 50	5 »
«Панорама Модъ»:						
1 разъ въ мѣсяцъ.	17 »	18 »	18 50	9 »	9 50	10 »
Отдѣльный экз...	1 50	—	—	—	—	—
«La Mode en relief»:						
1 разъ въ мѣсяцъ.	18 »	18 50	19 50	9 »	9 50	10 »
Отдѣльный экз...	1 50	—	—	—	—	—
Recueil illustré de M-me Demorest, по франц., нѣмецки и англійски..........	75	—	1 »	—	—	—

Гг. подписчиковъ просятъ присылать требованіе и деньги на Невскій проспектъ, уголъ Новой улицы, домъ 75/2, кв. № 5. На имя **Елисаветы Ивановны Кирѣевской.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ"

НА 1880 ГОДЪ

(четвертый годъ изданія подъ новою редакціею).

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ: на 1 г. 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 50 к, на 6 м. 5 р, на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 80 к, на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: на 1 г. 9 р., на 11 м. 8 р. 25 к., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к, на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 4 р, на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1879 г. и на весь 1880 годъ платятъ за время: съ 1-го сентября 1879 г. по 1-е января 1881 г., т. е. **за 16 мѣсяцевъ 12 р.,** съ 1-го октября 1879 года по 1-е января 1881 г., т. е. **за 15 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к.,** съ 1-го ноября — всего 10 р. 50 к, и съ 1-го декабря — 9 р. 50 к.

Подписывающіеся на весь 1879 г. получаютъ всѣ нумера съ 1-го января.

Письма и деньги адресуются: *въ Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ»* (Гороховая, 32).

Газета **„Новости"** выходитъ **безъ предварительной цензуры**, ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило — не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія (отдѣлъ «Дневникъ»), не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ-нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣдѣній, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ спеціальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшій внимательно даже одинъ, или два нумера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутины, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенія; что при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстій, получаемыхъ редакціей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и корреспондентовъ (рубрики: «Административныя Новости», «Русская Лѣтопись», «Внутренняя Почта» и т. д.), она имѣетъ возможность заимствованія изъ другихъ изданій подчинять самому строгому критическому выбору и пріурочивать къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская Печать» редакція не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣни» наиболѣе выдающіяся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой, практическій матеріалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матеріальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты пріуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ («Справочный отдѣлъ»).

Содержаніе газеты „Новости".

1) Политическія Телеграммы (доставляемыя «Международнымъ Агентствомъ» и собственными корреспондентами). 2) Дневникъ. До 1-го сентября напечатано: по внѣшнимъ вопросамъ около 600 статей; по внутреннимъ — около 80 статей. 3) Административныя Новости. (Отъ нашихъ спеціальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 700 извѣстій. 4) Русская Лѣтопись (Отъ нашихъ спеціальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 2,000 статей. Подъ этою же рубрикою печатались: всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія, сообщенія и телеграммы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ с.-петербургской городской думы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ: географическаго, мореходства, промышленности и торговли, вольно-экономическаго, техническаго, педагогическаго, естествоиспытателей, минералогическаго, этмонологическаго, юридическаго, общества русскихъ врачей, общества практическихъ врачей, общества взаимнаго кредита, благотворительныхъ обществъ, лѣснаго общества, общества сельскихъ хозяевъ, садоводства, коммисіи при педагогическомъ музеѣ. Кромѣ того, своевременно помѣщались всѣ болѣе или менѣе важныя, распоряженія г. петербургскаго градоначальника и мелкія происшествія. 5) Театръ и Музыка. Подъ этой рубрикой помѣщено болѣе 1,000 извѣстій и отчетовъ, доставленныхъ нашими репортерами и рецензентами. Подъ этой же рубрикою печатаются собственныя и заимствованныя извѣстія о провинціальныхъ русскихъ и иностранныхъ театрахъ. 6) Всемірный Калейдоскопъ, печатающійся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, заключаетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣдѣнія о выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіяхъ, событіяхъ и фактахъ, совершающихся во всѣхъ частяхъ свѣта. 7) Правительственныя распоряженія, представляющія общій интересъ или касающіяся отдѣльныхъ національностей, классовъ и городскихъ или сельскихъ населеній, печатаются цѣликомъ. 8) Внутренняя Почта (отъ нашихъ постоянныхъ и случайныхъ корреспондентовъ). 9) Русская Печать (ежедневное обозрѣніе газетъ и журналовъ). 10) Литературный Отдѣлъ. (Беллетристическія и публицистическія статьи): «Вчера и Сегодня». (Воскресныя бесѣды, Коломенскаго Кандида. Еженедѣльно). — «Литературная хроника». (Обозрѣніе толстыхъ журналовъ, Вл. Чуйко. Два раза въ мѣсяцъ). — «Въ складахъ историческаго матеріала». (Изъ разсказовъ архивной крысы. Обозрѣніе историческихъ журналовъ и книгъ, Коломенскаго Кандида. Ежемѣсячно). — «Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ», Скромное Я. Ежемѣсячно. — «Обозрѣніе духовныхъ журналовъ». Скромное Я. Ежемѣсячно. — «Обозрѣніе художественныхъ выставокъ». По поводу передвижной выставки 1879 г. В. Чуйко. — Третья годичная (1879 г.) выставка «Общества выставокъ художсственныхъ произведеній». Коломенскаго Кандида. 11) Библіографія: отзывы о новыхъ книгахъ, 12) Публицистическія и историческія статьи. Экскурсія въ область житейской философіи. Скромное Я. — Письмо къ ученому публицисту Н. К. Михайловскому. В. Чуйко. — Женскій трудъ (паралели. Вниманію великосвѣтскихъ дамъ). — Знаменія времени въ области судебной практики. Серебренникова. — По поводу священническихъ рясъ — Воспоминанія о чумѣ, полковника Д. Н. Ганкевича. — Русская ученая экспедиція въ Египетъ для изученія чумы въ 1839—1844 гг. А. Скальковскаго. — Ученое легкомысліе. В. Никитина. — Шипы сѣверныхъ розъ (путешествіе американской мухи), П. Рачковскаго. — По поводу кутаисскаго дѣла, П. Рачковскаго. — Болѣни Астраханскаго населенія, Л. Бесина. — Экскурсіи въ царство мертвыхъ. — Торговля рабами въ Турціи, ст. Паскаля Давида и т. д. 13) Беллетристика. «Русское Тайнобрачіе», postscriptum къ «Мелочамъ архіерейской жизни», печатавшимся въ «Новостяхъ» въ 1878 г. Н. Лѣскова. — «Бабушка и внучка», оригин. повѣсть Л. О. Леванды. — «Призраки», оригин. разсказъ Нила

Адмирари (Л. Панютина). — «Страница изъ исторіи одного ребенка», оригин. этюдъ Сахаровой. — «Женщина, разрѣзанная на куски», сцены изъ соврем. «подземнаго Милана». — «Безъимянный замокъ», съ венгерскаго, романъ Іокаи. — «Зачумленный городъ», разсказъ. — «На Левантской эскадрѣ», разсказъ Литрова. — «Уголовныя драммы», романъ П. Законна и Э. Море. — «Месть или тайны сераля», романъ Лейлы Ханумъ. — «Изъ омута въ омутъ», романъ Максъ Агнессы Флемингъ (изъ американской жизни. — «Около золотого тельца», оригин. романъ. — «Утесъ Почетнаго Легіона», Барт. Ауэрбаха. — «Гиганты — полипы». — «Дитя покойницы», ром. Ульбаха. — Разсказы Бретгарта и т. д. **Воскресные нумера** печатаются въ форматѣ, удобномъ для переплета. Изъ печатающихся въ воскресныхъ нумерахъ беллетристическихъ произведеній, по истеченіи года, составится объемистый томъ въ 26 листовъ газетнаго формата. 14) Справочный Отдѣлъ. Коммерческія телеграммы (доставляемыя редакціи «Международнымъ Агентствомъ»).—Хлѣбные и товарныя рынки (столичные и провинціальные). — Биржевые курсы. — Тиражи процентныхъ бумагъ. — Минеральныя воды за границею (справочныя свѣдѣнія). — Желѣзныя дороги. — Указатель лечебницъ. — Указатель дѣлъ, назначаемыхъ въ коммерческомъ судѣ. — Репертуаръ. — Прибывшіе и выбывшіе и проч. и проч. 15) Свѣтъ и Тѣни. 16) Судебный Отдѣлъ. (Отъ нашихъ стенографовъ и изъ офиціальныхъ газетъ). 17) Объявленія и рекламы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ

НА

Годъ третій. **„ИЗУМРУДЪ“** Годъ третій.

СБОРНИКЪ РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

ПРОГРАММА.

Сборникъ будетъ выходить, какъ и въ 1879 году, книгами большаго формата, между 10 и 20 января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ.

Каждая книга будетъ, по возможности, вмѣщать въ себѣ одинъ совершенно законченный романъ и нѣсколько разсказовъ.

Каждое произведеніе, помѣщаемое въ сборникѣ, будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, каждый романъ особый заглавный листъ, а для разсказовъ будетъ одна общая обертка.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Изумруда», состоящее изъ шести книгъ большаго формата, безъ доставки—**5** руб., съ доставкой—**5** руб. **50** коп., а съ пересылкою—**6** руб.

На полгода подписка не принимается.

Кромѣ вышеупомянутыхъ шести книгъ, всѣ подписчики на 1880 годъ **получатъ безплатно** въ концѣ его большой историческій или уголовный романъ, который отдѣльно будетъ продаваться не менѣе 2 или 3 рублей за экземпляръ.

Не желая прибѣгать къ рекламѣ, редакція, однако, считаетъ необходимымъ познакомить, хотя отчасти, читающую публику съ характеромъ и направленіемъ «Изумруда» и помѣщаетъ здѣсь ввиду этого списокъ статей, помѣщенныхъ въ немъ, а именно: въ сборникѣ за 1878 г. помѣщены между прочимъ:

Братоубійца—Эли Бертэ. — **Леила**—изъ турецкихъ нравовъ. — **Король Англо-Саксовъ**—(изъ временъ завоеванія Англіи Норманами) Э. Бульвера. — **Обелискъ Нерона**—изъ временъ папы Сикста V. — **Пиръ смерти**—изъ временъ первой французской революціи. — **Ночь въ Фонтенебло**—изъ царствованія Людовика XVI. — **Трагическая развязка**—автора романа графъ де-Фуа. **Испорченная жизнь**—Эли Бертэ. — **Тайна индѣйскихъ офицеровъ**—Миссъ Бредонъ. — **Поединокъ въ Гернейскомъ лѣсу**—изъ слѣдственнаго дѣла Ліонеля Варлейга—Уильки Коллинза. — **Фрегатъ Аркона**—Бера. — **Опасная комната. — Почему я не сдѣлался адвокатомъ. — Подъ Бичемъ чумной заразы** (описаніе чумы, опустошившей югъ Франціи). М. Лафонъ. — **Игрушка Фортуны. — Раскаяніе мстителя** — изъ временъ короля Карла VI. — **Казнь Королевы Анны.**

и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Въ вышедшихъ книгахъ за 1879 помѣщены: **Авантюристъ**—Тисье. — **Госпожа Амальти**—Додэ. — **Княгиня Кастель-Франко. — Ночь подъ Рождество**—**Кабалеро. — Заблужденіе. — Зюма: — Сознаніе преступника. — Амедей Моцартъ. — Погоня за призракомъ. — Внучка Людовика XIV**—автора Луизы д'Азарэ. — **Мѣсяцъ въ Калифорніи**—путешествіе. — **Проклятый домъ. — Жертвы честолюбія. — Драма въ улицѣ Страндъ**—Ю. Лакру.

и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Иногородные подписчики, желающіе выписать который-нибудь изъ этихъ годовъ, остающихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, могутъ еще получить ихъ изъ конторы редакціи по 6 рублей за экземпляръ.

Для новыхъ иногородныхъ подписчиковъ на 1880 годъ, редакція считаетъ возможнымъ сдѣлать сбавку, а именно: сборникъ за 1878 годъ они могутъ получить за **4** рубля, а сборникъ за 1879 за **4** р. **50** к., то есть вмѣсто слѣдуемыхъ за эти года **12** руб. они благоволятъ высылать только **8** руб. **50** коп.

(Пятьдесятъ копѣекъ можно, вмѣсто мелочи, высылать 5 копѣечными марками).

Примѣчаніе 1. Во избѣжаніе недоразумѣній, редакція считаетъ нужнымъ прибавить, что она уступаетъ сборникъ за 1878 и 1879 годовъ вмѣстѣ или порознь, но только тѣмъ иногороднымъ подписчикамъ, которые пришлютъ за нихъ деньги одновременно съ подписною суммою слѣдуемой за сборникъ 1880 года. Гг. московскіе подписчики пользуются также уступкою, но только въ такомъ случаѣ, если они внесутъ деньги за всѣ три года сразу.

2. Всѣмъ подписчикамъ «Изумруда», кромѣ того, предоставляется отнынѣ право получать со сбавкою цѣнъ всѣ книги, которыя будутъ изданы редакціею независимо отъ сборника. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время она предполагаетъ въ недалекомъ будущемъ приступить къ печатанію большаго историческаго романа подъ названіемъ: «Рыцарь Кроваваго Креста», который будетъ въ отдѣльной продажѣ стоить съ пересылкою **3** руб. **50** коп., но для господъ подписчиковъ, которые пришлютъ за него деньги до выхода его въ свѣтъ, предполагается уступать его по **2** р. **25** к.

Гг. подписчиковъ просятъ покорнѣйше присылать свои адресы, написанные разборчивою рукою и съ точнымъ поименованіемъ губерніи и уѣзда, гдѣ находится ихъ жительство.

Примѣчаніе 3. Желающіе получить отъ конторы сборника какія-либо свѣдѣнія, благоволятъ присылать на отвѣтъ 8 копѣечную марку.

Подписка принимается въ Москвѣ въ редакціи и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Гг. же иногородные благоволятъ обращаться исключительно только къ издателю сборника, адресуя требованія слѣдующимъ образомъ: въ г. Москву, въ контору редакціи сборника «Изумрудъ», г. Редактору-Издателю Михаилу Николаевичу Воронову.

(Болѣе подробный адресъ редакціи Московскому Почтамту извѣстенъ).

Редакторъ-Издатель **Михаилъ Вороновъ.**

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

въ двухъ отдѣлахъ

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

Съ нынѣшняго 1880 года наступаетъ второе десятилѣтіе редактированія нами журналомъ «Семейные вечера».

Втеченіи этого времени, на сколько позволяли намъ силы, мы старались честно и добросовѣстно исполнять возложенную на насъ обязанность и, кажется, частью достигли этого, судя по одобрительнымъ отзывамъ многочисленныхъ читателей нашихъ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, редакція журнала «Семейные вечера» стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желаніями подписчиковъ и строго слѣдуя программѣ каждаго отдѣла.

Мы старались «отдѣлъ для семейнаго чтенія» сдѣлать, по возможности, на столько разнообразнымъ, чтобы онъ по своему содержанію и изяществу могъ служить чтеніемъ «для всего семейства», что намъ удобнѣе всего было сдѣлать сравнительно съ другими изданіями въ этомъ же родѣ, потому что форматъ книжекъ и объемъ ихъ болѣе всего подходитъ для этой цѣли.

«Въ отдѣлѣ для дѣтей» мы помѣщали такія статьи и разсказы, что не только могли заинтересовать читателя, но и принести ему пользу, какъ нравственную, такъ и научную.

Съ будущаго же 1880 года мы нашли для себя возможнымъ давать, въ видѣ приложенія къ отдѣлу для Семейнаго Чтенія, образцы различныхъ рукодѣлій.

Къ отдѣлу для дѣтей будутъ прилагаться образцы занятій и игръ.

Кромѣ того всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ безплатно разослана, въ видѣ преміи, хромолитографированная картина.

ПРОГРАММА СЕМЕЙНЫХЪ ВЕЧЕРОВЪ.

ОТДѢЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

1) Романы, стихотворенія, повѣсти, разсказы, оригинальные и переводные (съ картинами).

2) Біографіи замѣчательныхъ людей (съ картинами).

3) Мемуары, историческіе очерки и путешествія (съ картинами).

4) Популярныя чтенія извѣстныхъ писателей, статьи по части естествознанія, техническихъ искуствъ, музыки и т. д (съ рисунками).

5) Разборы замѣчательныхъ сочиненій какъ по русской литературѣ, такъ и по иностраной, копіи съ лучшихъ картинъ, современныя событія, новыя открытія, библіографія, смѣсь, анекдоты и т. п.

ОТДѢЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

1) Повѣсти, стихотворенія, разсказы какъ оригинальные, такъ и переводные (съ картинами).

2) Дѣтство замѣчательныхъ людей (съ картинами).

3) Путешествія въ разсказахъ, статьи по части исторіи, священной, отечественной и всеобщей, принаровленныя для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ (съ картинами).

4) Статьи по части естествознанія, техническихъ искуствъ, скульптуры, живописи, музыки, литературы и т. п. принаровленныя для дѣтей (съ картинами).

5) Театральныя пьесы, задачи, ребусы, шарады, логарифмы, изрѣченія замѣчательныхъ людей.

Въ отдѣлѣ для самыхъ маленькихъ дѣтей будутъ помѣщаться, какъ и прежде, разсказы для дѣтей отъ 5 до 8 лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Полный журналъ (въ 24 кн.)
безъ доставки..... 10 р. съ доставкою 11 р.

Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.)
безъ доставки..... 5 р. съ доставкою 5 р. 50 к.

Отдѣлъ для семейнаго чтенія (12 кн.)
безъ доставки..... 5 р. съ доставкою 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакціи на полный журналъ, уступается 1 р.

Для земскихъ школъ, подписывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кромѣ того плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній — за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ, — не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ впередъ.

За всѣ года, начиная съ 1874 года, имѣются полные экземпляры въ изящныхъ переплетахъ съ хромолитографированной картиной.

ЦѢНА.

Семейное чтеніе........................ 5 р. — к.
Пересылка за 4 фунта, смотря по разстоянію.
Отдѣлъ для дѣтей........................ 4 » 75 »
Пересылка за 4 фунта.
Отдѣлъ для самыхъ маленькихъ дѣтей... 1 » 50 »
Пересылка за 1 фунтъ.

Для всѣхъ выписывающихъ 6 прежнихъ годовъ разомъ, уступается безъ пересылки:
Въ переплетѣ, вмѣсто.......... 67 р. 50 к. за 54 р.
Безъ переплета, вмѣсто........ 54 » » 40 »

За пересылку платятъ отдѣльно, смотря по разстоянію, за 8 фунтовъ каждый полный годъ.

Подписка принимается: въ редакціи журнала «Семейные вечера», у Симіоновскаго моста, на углу Караванной и Фонтанки, № 1—2, кв. № 21.

Редакторъ-издательница
СОФІЯ СЕРГѢЕВНА КАШПИРЕВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ **1880** ГОДУ

ежедневной самой дешевой въ Россіи

КОММЕРЧЕСКОЙ И СПРАВОЧНОЙ ГАЗЕТЫ

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Человѣкъ практически занятый ищетъ для своего чтенія не какихъ-нибудь философскихъ теорій, но свѣдѣній чисто практическихъ, которыя бы удовлетворяли его насущной потребности. Большинство жителей Россіи, въ томъ числѣ нашего многолюднаго города, состоитъ именно изъ такихъ людей, которые изъ чтенія привыкли извлекать непосредственную пользу и у которыхъ нѣтъ ни времени, ни надобности скучать надъ печатными строками. Для такихъ-то людей нужна ежедневная газета, которая могла бы аккуратно давать полный и обстоятельный отчетъ о самыхъ интересныхъ новостяхъ дня, о выдающихся явленіяхъ общественной жизни, о послѣднихъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и указаніяхъ науки, искуства, промышленности, торговли, сельскаго и домашняго хозяйства, практической медицины, гигіены, дамскихъ модъ, и вообще такая газета, которая каждый день даетъ практически-полезныя и разнообразно-интересныя свѣдѣнія. Вотъ именно какому назначенію удовлетворяетъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ «Одесскій Листокъ». Втеченіи семи лѣтъ своего существованія «Листокъ», при помощи энергическихъ мѣръ редакціи, успѣлъ сдѣлаться газетой повсемѣстной и настольной для всѣхъ читателей; въ одномъ изъ богатѣйшихъ городовъ Россіи, въ Одессѣ, нѣтъ такого дома, въ который не доставлялась бы эта общедоступная газета. Публика давно убѣдилась, что она безъ лишней траты времени можетъ найдти въ «Листкѣ» все, что необходимо ей для практическихъ цѣлей.

Кромѣ массы всесторонних новостей дня, «Листокъ» ежедневно даетъ подробныя справки по всѣмъ отраслямъ торговли мѣстнаго края и одесскаго порта, всѣ свѣдѣнія по части промышленности, желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній, а равно обстоятельныя справки по хлѣбной торговлѣ. Такимъ образомъ въ «Листкѣ» по прежнему будутъ помѣщаться всѣ свѣдѣнія и публикаціи обо всѣхъ коммерческихъ операціяхъ, какъ въ г. Одессѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Редакція убѣдилась, что распространенность «Листка» сдѣлалась уже всѣмъ извѣстной и что масса ежедневно поступающихъ объявленій доказываетъ, что публика давно оцѣнила наиболѣе важное для объявителей достоинство газеты — ея обширную популярность. Кромѣ объявленій казенныхъ и частныхъ, наша газета имѣетъ много постоянныхъ и годовыхъ абонатовъ, которые давно отказались отъ услугъ другихъ газетъ, зная, что все назначеніе «Листка» состоитъ именно въ томъ, чтобы служить спеціальнымъ органомъ для сближенія между торговцемъ и покупате-

лемъ, производителемъ и потребителемъ. «Листокъ» служитъ взаимнымъ интересамъ тѣхъ и другихъ и такимъ образомъ имѣетъ прямое вліяніе на расширеніе операцій той или другой отрасли торговли и производства.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ на годъ 3 руб., полгода 2 рубля.

Для городскихъ подписчиковъ, съ доставкою на домъ, въ годъ 3 руб., полгода 2 руб., три мѣсяца 1 р. 10 коп.

Подписка на газету и объявленія принимается въ конторѣ редакціи «Одесскаго Листка Объявленій», въ Одессѣ, на углу Дерибасовской ул. и Краснаго переулка, д. Роте.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1831 ГОДУ. **ВАЗА** **СУЩЕСТВУЕТЪ 48 ЛѢТЪ.**

ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями.

24 номера журнала, **12** рукодѣльно-модныхъ и **12** литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстія и т. п.).
1000 политипажей въ текстѣ.
24 модныя гравюры.
12 листовъ литографированн. узоровъ и выкроекъ.
24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.
6 листовъ раскрашенныхъ узоровъ.
Карманный календарь на 1880 годъ.

Возрастающій съ каждымъ годомъ успѣхъ журнала даетъ редакціи возможность увеличить цѣнность и изящество премій.—Преміи, предназначенныя для 1880 года, выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ. Желающіе могутъ видѣть ихъ въ редакціи.

Каждый подписчикъ **1880** года получитъ **ШЕСТЬ ПРЕМІЙ**, а именно:

1) **Бархатныя**, золотомъ вышитыя туфли (вышивка исполнена по заказу редакціи настоящими серебряными, черезъ огонь вызолоченными нитями).
2) **Двѣ** олеографич. картины (pendant) заграничной работы.
3) **Корзинка** для туалетнаго стола Тисненая вырѣзка изъ золоченой канвы. Часъ работы.
4) **Большая подушка** для дивана. Роскошный букетъ. Матеріялъ полный для букета и для фона Узоръ для исполненія раскрашенный и въ натуральную величину.
5) **Вышивка** для бювара на французской канвѣ. Матеріялъ полный и узоръ раскрашенный. Полевые цвѣты.
6) **Закладка** для книги съ тисненой виньеткой и вышивкой (Souvenir)

Преміи выдаются и разсылаются всѣ заразъ: городскимъ—въ январѣ; иногороднымъ подписавшимся въ ноябрѣ—въ январѣ. Подписавшимся въ декабрѣ—въ февралѣ. Позднѣйшимъ подписчикамъ втеченіи февраля и марта.

Разсрочка допускается чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій	**7** р.—к.	(безъ пер. **6** р.—к.)
На полгода безъ премій	**4** р.—к.	(безъ пер. **3** р. **40** »)
На 3 мѣсяца безъ премій	**1** р. **80** к.	(безъ пер. **1** р. **41** к.)

Съ ПРЕМІЯМИ 5 руб. дороже.

На укупорку премій Редакція проситъ выслать 42 к. марками.

Адресъ: **С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „ВАЗА“**, Лештуковъ пер., д. № 13.

въ 1880 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

(ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ),

иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣже сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1879 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ **двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ «Педагогической хроники».** Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою **12** р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Семейное чтеніе (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія)** выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10** р.

II. **Воспитаніе и обученіе (отдѣлъ для родителей и воспитателей)** выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ **«Педагогической хроники»**, выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **5** р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою“, содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.) **„Педагогическая хроника“** даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею, и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: **Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа“** (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель **К. Краевичъ.**

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЮ ГАЗЕТОЮ.

Съ 1-го января 1880 года «НУВЕЛЛИСТЪ», вступая въ 41-й годъ своего существованія, будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 30—35 страницъ избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ «НУВЕЛЛИСТѢ» будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

«НУВЕЛЛИСТЪ» Музыкально Театральная Газета, будетъ выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона: въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ и состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и за границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искуства. 4) Фельетонъ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики «НУВЕЛЛИСТА» получатъ въ концѣ года **ПРЕМІЮ** — полную оперу въ двѣ руки, или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти нумеровъ, указанныхъ редакціею.

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» съ Музыкально-Театральною Газетою и преміею **5** руб. Съ доставкою или пересылкою **6** руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ «НУВЕЛЛИСТА» при музыкальномъ магазинѣ **М. Бернарда,** поставщика двора Его Величества, Невскій проспектъ, № 10. **Въ Москвѣ:** въ музыкальномъ магазинѣ **А. Б. Гутхейль,** поставщика двора Его Величества, Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера. **Въ Казани:** въ музыкальномъ магазинѣ **«Восточная Лира». Въ Харьковѣ:** у **Гергарда.**

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ

ДЛЯ КОНТОРЪ, КАНЦЕЛЯРІЙ И ВСЯКИХЪ ТОРГОВЫХЪ ДѢЛЪ, ПРОЩЕ И ПРАКТИЧНѢЕ НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ

ГЕКТОГРАФА

или вновь изобрѣтеннаго **скорокопировальнаго аппарата**, съ помощью котораго даже ребенокъ можетъ производить до 100 копій съ одного текста безъ всякаго пресса, а именно: оригиналъ слегка накладывается на резинообразную массу, на которой моментально получается оттискъ оригинала и по снятіи его, на массу кладутъ листы какой угодно бумаги, на которыхъ моментально же получаются превосходныя копіи. Затѣмъ оставшаяся на массѣ ненужная надпись смывается водою и производятся новыя копіи любаго содержанія. **Цѣна аппарату отъ 3 до 8 р.**

Прошу обратить вниманіе на несомнѣнную пользу и дешевизну этого аппарата для копированія въ любомъ количествѣ писемъ, циркуляровъ, счетовъ, приглашеній, бланокъ, правилъ, прейсъ-курантовъ, лекцій, музыкальныхъ нотъ, рестораціонныхъ картъ кушаньямъ, чертежей и пр.

УДАЧНѢЙШІЕ ПОДАРКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.

Изящный аппаратъ для рисованія въ натуральн. увеличен. и уменьшенномъ видѣ

Всякій, даже не умѣющій рисовать, можетъ имъ скопировать любые рисунки, гравюры, картинки, узоры, дамскія рукодѣлія и пр. (съ прилож. новаго способа умноженія посредствомъ сложенія).

За 2 р. 50 к. домашній фотографич. аппаратъ,

копирующій посредствомъ свѣта всякія фотографическія карточки въ любомъ количествѣ; при солнцѣ копіи получаются въ 4 минуты. (Съ прилож. великолѣпн. карточекъ, сдѣланныхъ этимъ аппаратомъ).

Отдѣльно фотографическія карточки всѣхъ знаменитостей, актрисъ, писателей и т. п.; за дюжину 75 коп., за сотню 5 рублей.

I. Зегимель.

Гг. торгующимъ дѣлается уступка.

СКЛАДЪ въ С.-Петербургѣ: Невскій просп., № 4.

1880 г. 2 ГОДЪ ИЗДАНІЯ **1880 г.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛИРА“

(отъ 5 до 8 муз. пьесъ въ каждомъ номерѣ).

Подписная цѣна.

За годъ съ пересылкой и доставкой . 6 р. — к.
Отдѣльный номеръ .... — » 75 »

Иногородные присылаютъ за одинъ номеръ 40 почтовыхъ марокъ двухкопѣечнаго достоинства.

Подписка принимается для Москвы въ Центральной Конторѣ Объявленій, Больш. Дмитровка, д. Бучумова и въ Театральной Библіотекѣ С. Ѳ. Разсохина, Газетная, д. Шаблыкина.

Иногородные адресуютъ денежныя и простыя письма такъ: Москва, редакція музыкальнаго журнала **«Лира».**

Въ минувшемъ году редакція, не принимая на себя никакихъ обязательствъ и обѣщаній, дала подписчикамъ

2 ПРЕМІИ.

Въ 1879 году были между прочими помѣщены пьесы слѣдующихъ композиторовъ: Геллера, Шпиндлера, Юнгмана, Кеттерера, Лишина, Брюля, Вивьена, Штрауса, Лихнера и др.

Въ каждомъ номерѣ **«Лиры»** помѣщаются нѣсколько салонныхъ пьесъ въ 2 руки (иногда въ 4), танцы, романсы и отъ поры до времени дуэты со скрипкой.

Объявленія музыкальнаго и общаго содержанія,—для помѣщенія въ журналѣ, принимаются въ Центральной Конторѣ Объявленій. Дмитровка, д. Бучумова.

Издатель **Д. А. Мансфельдъ.**

ВѢДОМОСТИ

ТАГАНРОГСКАГО ГРАДОНАЧАЛЬСТВА

ГОДЪ XII,

будутъ выходить въ 1880 году, по прежней программѣ, два раза въ недѣлю:

ПО СРЕДАМЪ И ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: для городскихъ подписчиковъ			5 р.
» $^{1}/_{2}$ года	»	»	2 р. 50 к.
» 3 мѣсяца	»	»	1 р. 25 »
» 1 мѣсяцъ	»	»	— 50 »
На годъ: для иногородн. подписчиковъ			6 р.
» $^{1}/_{2}$ года	»	»	3 р.
» 3 мѣсяца	»	»	1 р. 75 к.
» 1 мѣсяцъ	»	»	1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Редакціи Вѣдомостей, при Канцеляріи Таганрогскаго Градоначальника и у всѣхъ Полицейскихъ Приставовъ г. Таганрога, ихъ Помощниковъ и Смотрителя Волостей Градонач.

При этомъ нумерѣ разсылается гг. иногороднымъ подписчикамъ **подписной конвертъ.**

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 9 Ноября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)